

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

18+

ДЭВИД ДЖ. ШОУ

ШАХТА

Дэвид Дж. Шоу

Шахта

Серия «Легенды хоррора»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68821599
Шоу, Дэвид Дж. Шахта.: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-120883-7

Аннотация

Кенилворт Армс – многоэтажный жилой комплекс в центре Чикаго, приют для обездоленных, иммигрантов, тех, кто скрывается от закона, или у кого нет другого пристанища. Здесь останавливается мелкий преступник Круз, сбежавший из Майами от своих подельников, и Джонатан, порвавший с прошлым после неудачного брака. Только этот дом странный, в нем исчезают люди, его стены таят немало тайн, иногда кажется, будто они живые, будто в них пульсирует настоящая кровь, а в канализации и воздухопроводах обитает нечто такое, с чем не встретишься даже в самых страшных кошмарах. И когда у Круза начинаются проблемы с полицией и местным криминальным боссом, Кенилворт Армс меняется, он реагирует, причем так, что и непрощенных гостей, и местных жителей теперь ничто не сможет защитить.

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Один	5
Два	18
Три	35
Четыре	55
Пять	75
Шесть	95
Семь	108
Восемь	132
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Дэвид Дж. Шоу Шахта

David J. Schow
The Shaft

Copyright © David J. Schow
© Елена Вергизаева, перевод, 2022
© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Время не лечит раны;
Оно лишь прижигает рубцы*

Один

Чикаго – ад, и в аду сегодня дьявольски холодно.

Бонер снимает колпачок с серебристого жирного маркера. **ОТРЯД СМЕРТЬ ПАНКАМ БОНЕР А#1** – выводит он на окне электрички, перекрывая другие надписи.

Бездомная, лишь отдаленно напоминающая женщину, в ужасе смотрит на него из дальнего конца вагона. Глаза похожи на черные влажные зерна, тело – моток из шарфов и дырявого тряпья, найденного на помойке. Она впопыхах собирает свои пакеты и шуршит в направлении двери, пока пишущий на окнах парень не заметил ее и не сделал что-нибудь. Ей с трудом удастся повернуть ручку двери между вагонами, при этом удерживая мусорные пожитки: в электричках ничего не работает, как надо.

Бонер делает замысловатую подпись. Его отличительный знак. Новые вагоны отделаны антивандальным японским алюминием. С его поверхности без проблем смываются чернила, краска, да почти всё. Перехитрить прогресс – это всегда весело.

Он уже выкинул из головы бомжиху. Она не представляет ни материального, ни спортивного интереса.

Как алкаш, валяющийся в своей блевотине. Ни барахла, ни бабла. Бонер чувствует запах соляной кислоты и переваренной зеленой фасоли. Рвота смешивается с черной сляко-

тью, размазанной по полу вагона. Довольно сложно не поскользнуться.

Никто не ездит на поздних электричках, если можно этого избежать.

Вагон за вагоном поезд поворачивает на перекрестке, отряхивая с себя хлопья снега. Бонеру кажется, что он слышит, как щелкает электричество. Флуоресцентные лампы позволяют ему привести себя в порядок. Он всматривается в собственное отражение сквозь «пшелнах», кодовые названия банд и паутины трещин на поверхности окна. Снимает темные очки и надует пузырь из жвачки.

Изможденный, тощий, с огромными аквамариновыми глазами с красной окантовкой – особенность, которая всегда поражает окружающих, привыкших к тому, что у ниггеров темные глаза. На голове – короткий ежик неопределенного цвета. Сквозь него на затылке проглядывают два параллельных шрама в форме полумесяца – сувениры на память о пережитом детстве. Тонкие запястья, длинные пальцы, короткие ногти. Только на мизинцах длинные, закругленные на концах. Кадык размером с шарик для гольфа. Несмотря на слои одежды, видно, что он долговяз, а его длинные усы говорят о том, что он еще не очень старый. Между передних зубов – три небольших отверстия. Улыбка Бонера – неприятное зрелище. Но он редко улыбается в поисках добычи.

Губу, разбитую в драке, пощипывает. Он не может ухмыляться, поэтому сохраняет нейтральное и застывшее выра-

жение на лице. И горе тому, кто не заметит, зол он или взбешен. Сегодня на нем солдатские ботинки с красными шнурками и жилет Levi's поверх байкерской куртки с треугольником из зеленой кожи на спине. Заклепки и цепи удерживают конструкцию. Он позвякивает при ходьбе, как оцелот с колокольчиком. Держись подальше – или будет больно. На фабричной джинсе написан загадочный девиз: КИСКА-УБИЙЦА D.R.I ГРОЗА ОБДОЛЫШЕЙ. Никто не приближается, чтобы его прочесть.

Репутация Бонера хуже плохой.

Он ухмыляется своему отражению и сразу морщится от боли. Алая капля выступает из бордового струпа на нижней губе. На руках – перчатки без пальцев, так что он трогает ее голой кожей, щурясь, словно пытаясь разглядеть кровь. Затем проводит кончиком пальца по языку.

Мир вокруг состоит из черных царапин рельсов; темной снежной жижи, воняющей жжеными покрывками; ветра, воющего с озера Мичиган и снижающего температуру до минус двадцати или ниже; ярких вспышек третьего рельса в ночи и алкаша в отключке, лежащего в трясине своей блевоты. По мнению Бонера, Чикаго – классное место.

Он достает трубку для курения гашиша и зажигает комочек в медной емкости. Делает полный вдох и наполняет легкие густым дымом. Глаза пощипывает, по мозгу разливается чувство облегчения.

Курибельные, ширябельные, вдыхабельные – Бонер на-

стоящий знаток благодаря участию в торговле. Он продает лучшее, только лучшее и всегда лучшее, потому что у него есть связи, репутация и скрытность. Тебе хреново? Если не знаешь Бонера, ты ни черта не знаешь. Он улыбается при этой мысли, на сей раз осторожнее. Губа не закровоточила. А холод помогает притупить боль.

Электричка громыхает мимо обледенелой таблички с названием района. От нее отражается свет. Только местные знают, что на ней написано ОКВУД и количество жителей, устаревшее на десять лет. Бонеру известно об Оквуде лишь то, что в этом зеленом пригороде живут трудоголики, которые тянут лямку с девяти до пяти в небоскребах, торчащих в центре города. Здесь старые дома. Многие построены Фрэнком Ллойдом Райтом¹. Бульвары и милые названия, дарующие чувство стабильности на рубеже веков. Слишком много церквей и слишком мало баров. Вообще-то, в Оквуде действует сухой закон. Это значит, что в местных магазинах не купить ничего, крепче пива. Бонеру кажется, что полки с напитками в холодильнике супермаркета напоминают смешного калеку. На карте Оквуд выглядит как мертвый прямоугольник, заполненный дорогой недвижимостью и очерченный барами, алкогольными магазинами, ночными клубами. Его границей в буквальном смысле является разделительная

---

¹ *Фрэнк Ллойд Райт* (1867–1959) – американский архитектор, родоначальник американской жилой архитектуры XX века. Здесь и далее – примечания переводчика.

полоса опоясывающих улиц. Право пить начинается и заканчивается на двойной желтой линии. Бонера это очень смешит. Как и всех местных владельцев магазинов с лицензией на продажу спиртного.

Но кто-то должен работать в местном магазине, и собирать мусор богачей, и служить подтверждением привилегированного положения, поэтому железнодорожные пути на Стейт-стрит являются еще одной разделительной линией Оквуда. На юге, с другой стороны от железной дороги, естественно, находится судомойня этого богатого дома. В каждом районе, независимо от престижа, есть квартал с дешевой арендой. И в Оквуде есть – это Гаррисон-стрит.

Бонер живет на Гаррисон-стрит. Это значит, что школа Оквуда – главный источник его дохода – находится в зоне досягаемости. Бизнес идет хорошо.

Он выпускает облако едкого дыма и решает врезать алкашу. Все равно скоро выходить. Быстрый смешок на прощание. Два шага – и он впечатывает ботинок пьянице в живот. Да. Тот издает тяжелый вздох. *Уфффф*. Желчь пузырится из его вялого рта. В прохладном воздухе вагона от нее поднимается пар. Еще жив. «Чудеса», – думает Бонер.

Он пишет «СЪЕШЬ МЕНЯ» на лбу своей жертвы серебряным маркером и осторожно отходит, стараясь не запачкать ботинки блевотиной. На следующей остановке пора выходить. Он выбегает из вагона.

Насколько ему известно, никто, кроме него, не оставляет

надписей на алкашах.

В три утра на станции «Гаррисон-стрит» ни души. Сюрприз. Стекло входной двери заменили промышленным пластиком, который пока на месте. Но одна створка приоткрыта из-за сломанного доводчика. Какой-то разозлившийся пассажир опять вырвал трубку таксофона. Бонер решает не проверять, нет ли мелочи в автомате. Зачем? У него при себе пять сотен наличкой, новенькими пятидесятидолларовыми банкнотами.

Этой ночью никто не ночует под крышей станции. Трупов тоже нет.

Бонер вдыхает остатки жизни из своей трубки и прячет ее. Тепло просачивается сквозь ткань кармана. Он хранит трубку в левом кармане джинсового жилета. В правом лежит мексиканский выкидной нож. В его белой костяной рукоятке спрятан семидюймовый вампирский клык, заточенный с двух краев. В нагрудном кармане лежит серебряный маркер и зажигалка Zipro. На поясе – несколько десятков ключей на цепочке и ремешок, к которому прикреплен бумажник на молнии с логотипом Harley Davidson. Сзади, за поясом, под слоями одежды, покоится большой армейский нож. Где-то в недрах кожаной куртки – моток колючей проволоки с ручками-кольцами на концах. Он продел душку своих зеркальных темных очков в прорезь для пуговицы. Металла на Бонере хватит, чтобы дважды свести с ума детектор в аэропорту.

Кроме пяти сотен баксов шальных денег, в байкерском бу-

мажнике Бонера можно найти идеальную подделку удостоверения личности жителя штата Иллинойс, три адвокатские визитки (на всякий пожарный); кредитку American Express, выданную боссом, а также несколько поляроидных снимков. Вот Синдер сверху на Бонере, фокус смазан. Вот она раздвигает ноги прямо перед объективом. Вот она с бутылкой во влагиалище, трахает смесь бухла с кодеином – напиток, сделавший ее такой фотогеничной...

Стоп-кадр: Бонер в одиночестве пробирается сквозь четырехфутовые сугробы к зданию на Гаррисон-стрит. Конец веселью. Он устал и хочет ссать.

Его дом – старинное четырехэтажное здание из красного кирпича, замаранное перхотью грязного снега. Толстые stalactites мутного льда свешиваются с косяка восточной входной двери. Тень над ней скрывает гранитную табличку с названием: КЕНИЛВОРТ АРМС.

Бонер не возится с ключами. Восточная дверь обычно не заперта. Вот это безопасность. Холл здания ничем не отличается от улицы – так же грязно и холодно. Он замечает кусочки клейкой ленты с выдавленными именами на ячейках раздолбанных почтовых ящиков. Его имени там нет. Он проверяет почту.

На лестнице, ведущей вверх, пузырятся заплаты плесневелого ковролина пыльно-серого цвета. На второй и третьей ступеньке расплзлось темное влажное пятно. Похоже на кровь. Ботинки Бонера оставляют вереницу следов до пло-

щадки второго этажа.

За ним по пятам через приоткрытую восточную дверь врывается ветер вперемешку с мокрым снегом, издавая стремный стон, который обычно раздается в ночные часы. Перекрытия старого здания скрипят от порывов ветра. Бонеру кажется, что он находится внутри парализованного умирающего динозавра. В квитанциях на арендную плату здание больше не называется «Кенилворт Армс». Задолго до того, как сюда заселился Бонер, дом выкупил корпоративный риелтор. Сейчас здесь всем заправляет грязный иностранец. На двери в его подвальный закуток висит табличка: «МЕНЕДЖЕР ЗДАНИЯ». Когда-нибудь владелец продаст дом или снесет его, освободив место для новой застройки. А до тех пор дух старого Кенилворт Армс будет сочиться сквозь щели. Бонеру это нравится. Он испытывает братские чувства ко всему, что выживает на задворках цивилизации.

Он слышит звук капающей воды.

Лифт в Кенилворте вызывает клаустрофобию и чувство опасности. Несколько недель назад он застрял на втором этаже, воняет лизолом и кошачьей мочой. Отсюда приходится топать пешком. Лестница, казалось, была спланирована не для этого здания. Чужеродная, слишком узкая, с острыми углами. Бонер достает до стен с обеих сторон лестничного пролета. Толстяк здесь застрял бы. Дешевая краска на стенах почернела от постоянных прикосновений.

В конце коридора второго этажа Бонер видит приоткры-

тую щель дверей лифта. Лампочка в сорок ватт внутри перегорела или, что вероятнее, кем-то разбита. Кроме запаха мочи, в воздухе витает густое зловоние жареной еды. Плюс аромат грязных носков, напоминающий Бонеру о тюрьме.

Еще один узкий лестничный пролет – и Бонер добирается до верхнего, третьего этажа. Технически подвальный этаж можно назвать первым, но это не отразилось на нумерации квартир.

В коридоре третьего этажа, напротив приоткрытой двери лифта, стоит столик с консервной банкой, где пылится букетик искусственных цветов. Над ним висит овальное зеркало, которое чудом никто не разбил. Деревянный пол кряхтит, будто старик с недержанием. Телевизор бормочет без умолку, рекламируя салон по продаже подержанных машин.

Одна из желтых лампочек посреди коридора не работает. Бонер проходит сквозь тьму и поворачивает направо, мимо встроенных в стену дверей холодильников. Большинство дверей заколочено, но некоторые по-прежнему открываются. Они понадобились, чтобы доставщик льда не портил линолеум новеньких кухонь своим товаром.

Теперь двери холодильников не нужны. Больше никто не укладывает линолеум на пол.

Кенилворт Армс часто перестраивали, и теперь расположение комнат сильно отличается от оригинальной планировки. Сегодня это запутанный лабиринт из так называемых студий и однокомнатных квартир, испещренный заколочен-

ными дверьми; окнами, забитыми фанерой или заложенными кирпичами, и стенами, расположенными под немыслимыми углами в неожиданных местах. Чтобы попасть в квартиру 307, Бонеру нужно отпереть две двери. Первая сделана из тонкого мазонита и на несколько десятков лет новее, чем винтажные панельные двери на входе в здание. За ней находится бывший общий коридор большой двухкомнатной квартиры. Когда дверь открыта, она полностью перекрывает узкий проход. Бонеру приходится проявить чудеса ловкости, чтобы закрыть ее за собой. Следующая закрыта на дешевую ручку-защелку – чисто для показухи. Бонер может открыть ее с помощью расчески. За дальней дверью живет пухлая жилистая женщина, которая держит кошек и работает телефонисткой на полставки. Бонер так думает. Он никогда не удосуживался спросить. Ради чего? Для большинства жильцов этот дом – перевалочный пункт. Отсюда либо переезжают в районы побогаче, либо оказываются в мрачном забвении.

Соседке Бонера досталась половина оригинальной квартиры, с кухней. Ему же – другая половина, с ванной комнатой.

Можно сказать, что повезло. Страшно представить, что она использует в качестве ванной. А Бонер, в свою очередь, не любит готовить. Вместо кухни у него есть дополнительный шкаф. Судя по высоким угловым окнам, выходящим на перекресток Гаррисон и Кентмор, ему также досталась комната, которая раньше была гостиной.

Бонер открывает дверь в свою квартиру, прилагая усилие. Она сегодня невероятно тугая, словно дверная рама уменьшилась на дюйм со всех сторон.

В квартире настенный выключатель издает лишь щелчок. И еще щелчок. Фергус, менеджер здания, опять дурью мается и включил слишком много электроприборов. Распределительный щиток – в подвальном коридоре, рядом с прачечной. Электричество вырубает слишком часто, и чаша терпения Бонера переполнилась. Но прежде чем разобраться с этим, он должен отлить. Бонер считает, что из-за наркоты размер его мочевого пузыря уменьшился до пачки из-под сигарет.

В квартире воняет. Аммиаком, или тухлым бургером, или канализацией. Супер. Если канализационные трубы замерзли, то их придется разморозить с помощью огня. Если проблемы с водопроводом и электричеством связаны... ну, может, все здесь взлетит на воздух к завтрашнему утру. Пожар наверняка подпалит всем жилацам задницы.

Аквамариновые глаза Бонера привыкают к темноте, пока он двигается вглубь квартиры. На противоположной стене он видит белые матовые прямоугольники штор, подсвеченные люминесцентной комбинацией уличных фонарей и снега. Бонер может различить в темноте очертания кровати, шкафа, бумбокса и даже маленького электрообогревателя, подключенного к временно бесполезной розетке.

Ванная комната освещена серебром рассеянного света.

Бонер знает, что окно рядом с ванной не открывается во внешний мир. Свет, который он видит, похож на след от выключенной электрической лампочки, остающийся на сетчатке глаза, но слабый и холодный. Есть в нем что-то органическое, напоминающее тускнеющих мертвых светлячков или призраков.

Мочевой пузырь Бонера умоляет об облегчении. Он отодвигает душевую занавеску и расчехляет свой прибор. Решает нассать в ванную, чтобы не промазать мимо унитаза в темноте. Он смотрит вниз и не может различить струю мочи.

Ванная наполнена тьмой, словно черной водой. Интересно, это она так воняет? Ему кажется, что в ванной свернулась огромная какашка, от нестерпимой вони которой запотевают окна. И чего она ждет? Может, чтобы ее сфотографировали? Бонер вспоминает о своих поляроидных снимках.

У него вырывается смешок. Не успевает он утихнуть, как тьма в ванной приходит в молниеносное движение. Что-то откусывает и проглатывает палец Бонера и головку его члена.

Бонер падает на спину, струя мочи пульсирует вперемишку с кровью, ноги путаются в штанинах спущенных джинсов. На него накатывает острая боль. Он пытается ухватиться за что-нибудь рукой, но его конечность схвачена овальным ртом размером с мяч для американского футбола. Клыки, острые как иголки, скользят по связкам его запястья, перемалывая тонкие кости. За руку его притягивает к ванной, цепи на жилетке звенят, а кровь стекает вниз по рукаву куртки.

Он не видит крови, но чувствует ее. Кажется, будто в член загнали нож для колки льда. Больше крови. Вспоминает свежую блевотину алкаша и как от нее шел пар.

У Бонера нет времени размышлять над своими ощущениями – через пять секунд он будет мертв.

Его ботинки отлетают в стену с грохотом, которого хватит, чтобы разбудить жильцов даже в подвале. Прежде чем он успевает закричать, его лицо поглощено чем-то холодным, шершавым и мягким, покрытым слоем скользкой слизи. Его последняя мысль о желе в банке с тушенкой. И воняет оно так же. Бонера засасывает внутрь.

Борьба окончена.

Два

Окна в междугороднем автобусе сделаны из какого-то прочного пластика. Царапины на его поверхности были выпуклыми и размывали огни уличных фонарей, одевая их в радужные короны. На этом участке пути огни безымянных городков попадались довольно редко. Ночь безлунная, за окном непроглядная темень.

– Нет.

Джонатан снял свои легкие наушники. Он ненавидел выключать музыку до конца композиции. Но задремал, и теперь его уши пульсировали. Останавливать музыку по собственному желанию – значит контролировать ситуацию. Если это делают за вас, вы слушаете коммерческую радиостанцию. Чувство сожаления, которое он испытывал, нажимая на кнопку «стоп», было тривиальным, но искренним. *Tangerine Dream*² умолкли посреди куплета. Джонатан переворачивал батарейки плеера. Долгая дорога – запасных нет: он плохо подготовился. Если хочешь сэкономить батарейки, лучше не засыпать, когда слушаешь музыку.

Звук движущегося автобуса просачивался в уши, незаглушенный и резкий. Автобус шел по крайней правой полосе с унылой скоростью 88 километров в час. Лампочка над ме-

---

² *Tangerine Dream* – немецкая группа, основанная в 1967 году и играющая электронную музыку.

стом Джонатана была выключена, и никто из пассажиров не выделялся в этот поздний час. Водитель напоминал робота: профессионал, который не проронил ни слова после того, как произнес стандартную речь перед отправлением автобуса – о том, чего не следует делать на борту.

Все, что было: ночь, тьма, шум автобуса и Джонатан – теперь абсолютно один.

– Нет.

Он вспомнил последнюю ночь с Амандой.

Ужин с вином всегда вырубал их по будням. Они дремали около часа, прежде чем провалиться в сон. Джонатан думал, что раздел ее. Где-то после полуночи он проснулся и начал ласкать ее. Это превратилось в своеобразный ритуал.

Он придвинулся ближе, повернулся на бок и нежно просунул указательный и средний палец ей между ног. Аманда крепко спала на спине – у Джонатана это никогда не получалось. Он мог чувствовать ее дыхание и каждый удар сердца. Он начал тереть ее, задавая ритм и используя слюну в качестве буфера. Игра с периферией ее восприятия продолжалась около получаса, пока Джонатан не почувствовал, как Аманда переходит из фазы глубокого сна в стадию дремы.

Его первой наградой стал едва слышный стон. Потом она раздвинула ноги на прохладной голубой простыне, чтобы облегчить ему доступ. В этот момент давление и темп играли решающую роль.

Ее клитор набух под его пальцами и стал твердым. Она на-

чала помогать ему сонными ритмичными движениями. Прошло еще пятнадцать минут. Джонатан смотрел на табло электронных часов, и через нее прошла дрожь приятного полусонного оргазма.

Теперь его указательный палец был внутри нее, и он отбивал ритм большим пальцем, *бам-бам-бам*, чувствуя знакомую дрожь ее вагинальных мускулов. Он видел, как ее пальцы сжали простыню, напряглись, затем расслабились, а тепло разлилось внутри ее тела. Пальцы рук и ног, горячий лоб, тело требует вдоха. Когда она перевернулась, подняв одну ногу, то была такой влажной, что пальцы Джонатана с трудом почувствовали трение о стенки ее влагалища.

К тому моменту его эрекция была невыносимой.

Он приподнял ее задницу чуть выше. Она была достаточно сконцентрирована, чтобы помочь ему. Чуть-чуть. Она выгнула спину.

– Не знаю, почему я так сильно люблю, когда ты делаешь так, – сказала она ему очень давно. До того, как они стали жить вместе. Когда они укуривались каждую ночь, без перерыва. Всякий раз, когда она говорила об этом, а она говорила об этом почти каждый раз, ее признание было приправлено чувством вины. – Не знаю, почему мне это нравится. Я просто... Просссто... – И ее слова тонули в шипении.

Аманда любила, когда в нее входят сзади – спина выгнута, лицо упирается в матрас, руки свисают. Ее великолепная попа высоко задрана по направлению к любовнику. Она

не могла объяснить, почему эта поза ей нравится больше остальных. Дело было в чувствах, а не в логике. А может, ее мозг просто отказывался это анализировать. Иногда Джонатану удавалось уловить отдельные детали: его руки удобно и властно лежат на ее бедрах; оптимальная пенетрация; более свободный ритм оттого, что он входит прямо в нее, а не тяжело нависает сверху. Но самое важное – Аманда относилась к этому как к запретному удовольствию. Может, мама сказала ей когда-то, что хорошие девочки таким не занимаются. Или, хуже того, Аманда сама себя в этом убедила.

Джонатан так и не смог понять, за что Аманда просит прощения. Она нашла позу, которая делала ее безумно счастливой. Тысячам других людей это не удастся.

Он вспомнил, как проскользнул в нее, первые несколько дюймов не потребовали никаких усилий. И последнее, что он ожидал услышать, это ее голос. Голос Аманды в полумраке, ясный и несонный, и он говорил ему «нет».

Аманде нравилось просыпаться в состоянии сексуального возбуждения. Он никогда не пользовался ее уязвимостью во сне. Ни за что. Если она так думала, то могла бы остановить его гораздо раньше. Она сама много раз набрасывалась на спящего Джонатана. Предрассветные часы были их излюбленным временем для занятия любовью. Это позволяло им поспать пару часов до самого акта, а сон после был по-особенному приятен и крепок.

– Нет.

В последнее время их постельная жизнь стала нерегулярной, шаблонной, иногда похожей на скучную обязанность. Внешнее отражение внутренних проблем, которые, Джонатан надеялся, никогда не найдут дорогу в кровать размера кингсайз, которую они с Амандой делили на протяжении двух моногамных лет.

Каким же дураком он был.

И вот он сидел в междугороднем автобусе, едущем на север, посреди ночи, с поистине олимпийским стояком, упирающимся в ширинку его джинсов. Еще и батарейки сели. Он был благодарен тьме, скрывшей его неловкое положение. Но он не был благодарен ночи, которая заставляла его бесконечно думать о последнем разе, когда он спал с Амандой... и не смог заняться любовью.

Это произошло именно в ту ночь, когда Джонатан надеялся наладить отношения.

Тем вечером их ждал вовсе не «адский ужин» – такое название они придумали для совместного времяпрепровождения в ресторане: ужина, полного натянутого молчания и вежливого пустого диалога. Нет. Тем вечером все шло как по маслу. Ни ссор, ни обвинений. Аманда даже рассмеялась раз или два. И он с болью подумал, что виноват в том, что смех пропал из ее глаз.

Дома он набрал для нее горячую ванну с маслом и ароматной пеной. Она погрузилась в нее по кончик носа и полчас отмокала. Потом вынырнула и поцеловала его ртом, пол-

ным белого каберне. Когда она вылезла из ванны и пошла под душ, он присоединился к ней. Они натерли друг друга мочалкой, как делали много раз, и она вышла первой, чтобы поменять компакт-диск в гостиной. Он вышел из облака пара, закутанный в полотенце. Она надела свой любимый голубой халат из шелка. Ее влажные непослушные волосы были распущены. Подол халата касался пола, и рельеф ее тела, подчеркнутый тонкой облегающей тканью, не оставил бы равнодушным ни одного мужчину.

Они оба устали. Это разрядило обстановку. Она сказала ему лечь на живот, на прохладные голубые простыни, села на него верхом и сделала массаж спины сильными умелыми пальцами. Ее жесткие лобковые волосы игриво касались его задницы. Потом они поменялись местами. У нее был синдром Марфана, что выражалось в необычной подвижности суставов. Это ее постоянно беспокоило. Суставы при движении издавали шелкающий звук. Ее руки и плечи болели почти постоянно, и Джонатан боялся, что у нее начинается артрит. Через десять лет суставы будут опухшими.

Массаж был для нее способом показать, что он ей небезразличен, сказать: «Я все еще люблю тебя, несмотря на наши проблемы». А для него – способом узнать, как вести себя с каждой частью ее тела, как сильно можно давить, чтобы не причинить боль.

Потом они заснули в объятиях друг друга, и постороннего взгляда на них было достаточно, чтобы понять, что они

влюблены.

До тех пор, пока Джонатан не был наполовину в ней и не проскальзывал дальше в объятия ее пахнущего мускусом влагилица. До тех пор, пока она не сказала ему «нет».

– Нет, Джон, не надо. Мне больно.

Он остановился, сдерживая себя. Ему потребовалось бороться с собой, чтобы не превратиться в варвара-насильника – так сильно он ее хотел в тот момент. Он нежно раздвинул ее вульву большими пальцами и попытался еще раз. Без усилий. Она была влажной как трава после грозы.

– Нет.

Она резко опустилась вниз и отвернулась. Он физически ощутил ее отказ. Она не подумала о том, что ему больно, когда член загнут под таким углом. В тот момент не хотела причинить ему боль, но через минуту все изменилось.

Джонатан выдернул из нее член и почувствовал мокрую каплю на щеке. Его подлый член катапультировал каплю ее смазки прямо ему в лицо. Это было чертовски символично.

Аманда не хотела его. Точка.

И Джонатан вдруг понял, как смехотворно выглядит. Клоун на коленях, со стояком, похожим на ракетный снаряд. Только цели, в которую он должен попасть, нет.

Никчемный тогда, никчемный сейчас.

Откидывающееся кресло в автобусе было скользким и замаранным, как дверной косяк, за который хватался миллион грязных рук. В воздухе витал резкий запах дезинфици-

рующего средства. Он напомнил Джонатану о мужском туалете в мексиканском баре. Мерзотное место. В другой жизни он провел там неприятные полчаса, ухая в фарфоровый «мегафон». После того приключения он не брал в рот ни капли крепкого алкоголя. Нет уж, спасибо. Теперь пил только вино или пиво с лаймом, во время ужина. Сколько помнил ее, Аманда курила дурь, чтобы расслабиться. Джонатан опытным путем выяснил, что если он накуривался до головокружения, то сначала был гиперактивен, а потом чувствовал себя выжатым как лимон и следующие полтора дня болело горло. Ему абсолютно не нравились комбинации – гашиш, бонг, таблетки. Аманда была искателем, ей нравилось пробовать. Но она употребляла нерегулярно, в основном на вечеринках. Для Джонатана же сама мысль о вдыхании порошка через нос, чтобы почувствовать себя клево, казалась отвратительной. Его любимыми наркотиками были кофеин и белая смерть – рафинированный сахар. Он был кофеманом.

Аманда курила дурь, чтобы разрушить барьеры на пути к сексуальному наслаждению, которые она сама и создала. Она почти никогда не достигала оргазма с легкостью. Для этого требовались время и усилия обоих партнеров. Большинству ее бывших было плевать. Поэтому Аманда была уверена в своей фригидности и считала, что это полностью ее вина. Ей доставляла особое удовлетворение возможность обвинять и себя, и партнеров, и весь большой злой мир вокруг.

Джонатан злился на себя за то, что часто говорил, что ей

нравится быть жертвой. Проявлял чудеса понимания – ничего не скажешь.

Трещина в их отношениях стала заметной, когда Аманда начала выкуривать косяк перед сексом. Вода точила мраморное надгробие, и наконец эпитафия стала нечитабельной.

В его мозгу мелькала галерея образов из прошлого. В основном, дурашливых. То, как она хватала его за задницу в супермаркете или просто говорила, какая у него симпатичная пятая точка. Та зимняя поездка на машине в Бирмингем, во время которой они на полном серьезе обсуждали рейтинг фильмов, а он просунул руку под ее рубашку цвета хаки и заставил ее соски обратить на себя внимание. Или то, как Аманда с греmlinской ухмылкой отсосала ему в четыре утра на ночном рейсе в Лос-Анджелес. То, как они хихикали и обжимались в примерочных кабинках в торговом центре. И их пошлые телефонные разговоры на работе. Торговля компьютерными серверами никогда не казалась Джонатану романтичной. Однажды вечером он вернулся домой в скверном настроении – его увольняли через два дня – и обнаружил в своей кровати Аманду, в сногшибательной ночной сорочке из черного кружева. Она улыбнулась и сказала:

– Джонатан, сделай мне одолжение...

Вскоре они начали играть в семью.

Он очнулся. Автобус. Ночь. Он совсем раскис.

Конечно, дело было не только в сексе. Он так долго размышлял об этой стороне их совместной жизни, потому что

их секс был чертовски хорош, а он так давно не занимался с ней любовью. И вообще ни с кем не занимался. По мере выгорания отношений они несколько раз придавались ничем не примечательным любовным утехам. Это продолжалось почти год, уныло и без всякого удовлетворения. Через какое-то время они перестали заниматься любовью и переключились на секс. Проблемы заняли место заботы друг о друге.

Теперь улыбки симпатичной официантки было достаточно, чтобы он выскочил из штанов.

Дело не в сексе. И ни в чем. Дело в... все это чертовски сложно и запутано. Любые попытки найти причину или виноватого опошлят все, что было между ними. И вот сейчас мысли об этом стали причиной невыносимой головной боли, словно в черепной коробке Джонатана один шлакоблок пал на другой. Боль поглотила левую сторону его головы, из глаза покатилась слеза, в носу засвербело. На лбу выступили капли пота. Боль была настолько сильной, что отвлечься от нее не получалось. Пора принять экседрин.

Он развернул свой рюкзак, который лежал на соседнем кресле, растянул большой карман и достал наполовину пустую бутылку газированной воды. У него осталось яблоко и несколько шоколадных печенин с кремовой начинкой, погребенных под коробками с кассетами и прочим барахлом: фотоаппарат Nikon, заправленный цветной пленкой; туалетные принадлежности, записная книжка, темные очки-авиаторы в очечнике. Он открутил крышку на бутылке, и та из-

дала шипящий звук. Проглотил три белые таблетки не запиная. Четвертая застряла в горле. Он поднес бутылку к губам и почувствовал, как растворяется таблетка. Он закрыл глаза и постарался расслабиться.

Не-а.

Все извратилось. Все стало таким сложным. У их истории было столько начал и завершений, что ее невозможно уложить в логичное, связное, линейное повествование.

Однажды он позвонил Аманде на работу. Просто чтобы поболтать, услышать ее голос и узнать, как у нее дела.

– Я беременна, – сказала она между делом и повесила трубку.

После этого произошла ссора. Роковая и непримиримая. Она началась с разговора об аборте, зарплате и целесообразности, а закончилась туманными определениями того, что является развитием отношений двух людей. Аманда много плакала. Джонатан решил, что победил в споре.

Джонатан проиграл.

Она была сообразительной, осторожной и необычной. И Джонатана бесило, что главной целью ее жизни оказалось усмирить то, что делало ее уникальной, раствориться в приличном обществе и превратиться в одну из тех, кого его хороший приятель Баш называл жопорями.

А именно: люди, которые смотрели порноканалы и ходили в стриптиз-клубы. Люди, которые безответственно размножались и постоянно ныли о своем желании вернуться в фор-

му. Люди, которые были уверены, что выигрыш в лотерею решит все их проблемы. Люди, для которых повышение качества жизни заключалось в покупке более дорогого пикапа. Люди, которые полагались на Бога в починке водопровода, исправлении своих недостатков, да и во всем существовании, потому что были слишком ленивы, чтобы решить свои проблемы самостоятельно. Люди, которые пили легкое пиво. Приверженцы массового сознания, расчетливо невежественные, представители низших духовных каст. Именно такие славные ребята в определенных обстоятельствах с удовольствием присоединяются к толпе линчевателей или бригадам книгосжигателей.

Жопари.

Аманду воспитывали по-другому. Дети всегда были частью ее сценария. Но с каждым годом перспектива материнства становилась все более туманной, «когда-нибудь, но не сейчас». Она провалилась в безвыходную панику. Какое-то время Джонатан всерьез задумывался о том, чтобы поиграть в папочку для маленького существа. Он испытал шок, осознав, что не испытывает отвращения к детям: крошечные человечки вызвали у него определенный интерес.

Но самыми интересными были чужие дети – за ними можно наблюдать, оставив отвратительные моменты за скобками.

Многие его друзья с жаром доказывали, что, когда появляются дети, жизнь меняется. Это неудивительно. Джонатан

слышал в их речах нотки солидарности людей, попавших в западню и мечтающих заманить его туда же. Он спросил у Аманды почему. Ее ответ обжег как раскаленное железо.

– Потому что так поступают люди.

Для Джонатана это был не аргумент. Он не верил, что семьи создаются по чистой случайности, подобно тому, как первопроходцы строили дома не по собственному выбору, а из необходимости. Но это был не аргумент для Аманды.

В тот год у них начались проблемы с деньгами, и Аманда сделала аборт. Джонатан не знал, простит ли она его когда-нибудь.

У Аманды появился седой волос, потом еще один. Потом – растяжки на бедрах. Джонатан заметил признаки варикоза у себя на лодыжках. Он про них не говорил. Часики Аманды тикали. Замечала ли она появившиеся недостатки в зеркале? Этот вопрос превратился в игру, у которой не было победителя. Если он замечал, она обижалась. Если он притворялся, что нет, – она обвиняла его в невнимательности. А если он ничего не делал, сохранял нейтралитет, ее глаза молчаливо проклинали его еще раз.

Она перестала улыбаться. Любое предложение Джонатана разбивалось о стену отказа. Она окопалась и приготовилась к затяжной войне. Это раздражало и казалось ему ненужной тратой времени и сил. Он неохотно делал все, чтобы сохранить баланс в напряжении между ними. Никто не хотел отступать. На кону стояло эго каждого. Он вспомнил шутку

о предохранителе с автоматической защитой, который уничтожает всю сеть и не выгорает сам.

Занятия любовью? Они превратились в кошмар.

Поэтому теперь классная задница Джонатана направлялась в Чикаго, с кассетами Tangerine Dream для музыкального сопровождения и таблетками от мигрени, которая забивала в его мозг хромированные шипы. Техас остался позади. Джонатан размышлял о конце. Той боли, которую ему причиняла Аманда одним взглядом или невозмутимым молчанием. Он с сожалением вспоминал, как они съехались – уверенно и без сомнений. Как слились в первобытное существо, доставляющее и получающее удовольствие. Как стали единым целым.

– Соглашайся на эту работу, – сказала она ему. – Давай. Поезжай, проведи время с Башем. – Джонатану показалось, что он услышал стук судейского молотка. – Ты ведь уже все решил, да? Может, хоть денег заработаешь. Ну и вали от меня, потому что я стала вести себя как стерва.

Временами Джонатан хотел ударить Аманду из-за ядовитой уверенности в ее голосе.

– Что ж... – Он раздраженно пожал плечами. – А как же ты?

– А как же я? Не надо ради меня идти на большие жертвы. – В тоне ее голоса слышалось: «Ты снова облажался, умник. Надо было спросить „а как же МЫ“. Видишь? На самом деле тебе наплевать».

Они знали друг друга слишком хорошо. Но почему-то использовали эти знания не для того, чтобы что-то исправить и укрепить отношения. Вместо этого они превратили их в самое мерзкое оружие.

И когда ты успела стать настолько наивной, черт возьми? Парировал тоненький ехидный голосок.

Чикаго предлагал работу. Чикаго предлагал расстояние.

Джеффри Холдсворт Чалмерс Тесье – представитель новоорлеанских Тесье – был крепким и бородатым, с покатыми плечами и крупными зубами. Его мудрые золотисто-карие глаза излучали свет и постоянно впитывали окружающую обстановку, записывая ее на пленку ментального видеомэгнитофона. Он был фрилансером в области графического дизайна, болтал без умолку и являлся лучшим другом Джонатана с момента их первой встречи во время заседания университетского киноклуба в 1977 году. Джонатан учился на архитектора, а Джефф проматывал стипендию факультета свободных искусств. Во времена студенческого распутства и игр в бильярд к нему приклеилась кличка Баш. Он все еще с трепетом относился к своему заметному южному акценту. В разговоре с Джонатаном Джефф назвал Аманду «печальной». В мире Баша женщины приходили и уходили, но их всегда хватало. И пока вертится эта планета, Джонатан сможет пускать слюни, уткнувшись в его большое плечо.

Мужская дружба являлась ключевым понятием в системе

координат Баша. Стоило ему посмотреть «Человек, который хотел быть королем»³ или «Сердцееды»⁴ с Ником Манкузо и Питером Койоти, и он сразу впадал в нирвану. Жизнь Баша не была отягощена браком, детьми, медицинской страховкой и перспективой превратиться в жопаря. Все эти тревобления никогда его не беспокоили.

«Так вали из города, доставь свою розовую попку сюда и давай вместе отхватим кусочек капитала Капры, мой мальчик». Он произнес это слово как «малчык», всегда так говорил. «Я занял не последнюю должность в „Рapid O’Графикс“ и могу влиять на решения руководства, излучая природное обаяние. Тебя примут на борт, как только я скажу. Рассматривай это предложение как первую ступень своей большой лестницы жизни. От Рональда Макдональда до шампанского „Дом Периньон“».

Баш даже оплатил билет на автобус.

Из Джонатана получился никакой торговец оргтехникой. В этом его с Амандой мнение совпадало. Ему понравилась идея работать в «Рapid O’Графикс» под руководством кого-то шумного и позитивного, каким и был Баш. С него хватает тлена и печали.

По крайней мере, так он оправдывал свое решение. Лю-

---

³ «Человек, который хотел быть королем» – приключенческий фильм 1975 года с Шоном Коннери и Майклом Кейном в главных ролях. Реж. Джон Хьюстон.

⁴ «Сердцееды» – драма Бобби Рота 1984 года. Саундтрек к фильму написала упомянутая выше группа Tangerine Dream.

бой способ оправдаться превращал его в мелочного, эгоистичного и жестокого человека. История стара как мир: нам нужно расстаться ради нашего блага. Совет, который не сработал для миллиона неудовлетворенных клиентов.

Как выяснилось, в памяти Джонатана осталось одно-единственное событие. Событие, на которое он мог указать и сказать, что именно оно послужило точкой невозврата в их отношениях. Противное и едкое воспоминание, крутившееся в мозгу, кислотой выжигая все эмоции.

Автобус ехал на север, игнорируя маленькие города, один за другим. Впереди по курсу лежала граница штата.

Ноющая головная боль по-прежнему размывала зрение Джонатана. Он закрыл глаза, призвав персональную ночь. Слеза скатилась по его щеке. Он подумал о том, как ужасно поступил с Амандой – женщиной, которую все еще любил.

Три

Круз добежал до балконных перил как раз вовремя, чтобы увидеть, как Чикита приземлилась лицом вниз на столик под зонтиком пятью этажами ниже, сломав его. Она промахнулась мимо бассейна на добрых три метра. Пока он не увидел ее мозги, размазанные по террасе, даже не подозревал, что у этой крошки они были.

До конца своих дней Круз тысячи раз прокручивал в голове это падение. В такие моменты у него щелкало в ушах и болела голова. Капитан «Восточных авиалиний» по фамилии Фальстафф объявил пассажирам рейса 737, что ожидается турбулентность. Нужно пристегнуть ремни. Круз сжал подлокотники. Один из них шатался. Он смотрел в иллюминатор на крыло самолета и думал, что или кто поцарапало двухслойный пластик снаружи. Может, ветер, бушующий на высоте в девять тысяч метров? Он представил себе жирных гремлинов, несомых воздушными потоками и совершивших этот акт вандализма.

Он подложил под шею подушку, проглотил таблетку аспирина и теперь размышлял о том, что каких-то шесть часов назад у него была чертовски беззаботная жизнь. И никаких мыслей о смерти, хотя это и было слишком оптимистично. Всего шесть часов назад на вечеринке у Розы...

Круз все еще видел падение Чикиты. Вниз, с переворотом,

потом приземлилась на площадку у бассейна отеля. Рози кинулся к нему через весь номер люкс, хромая на обожженную ногу. Остальные гости вечеринки словно зомби еще не до конца понимали, что стряслось. Круз перегнулся далеко через перила; казалось, его тоже утянет вниз. Он широко открыл рот, и капля слюны упала из него по той же траектории, что и Чикита.

Вечеринка обернулась катастрофой.

– Круз, отойди от перил. Давай же. – Рози был спокоен как танк. Он разруливал проблемы Эмилио.

Рози схватил Круза за гавайскую рубашку, выволок его с балкона и затолкал в пустую спальню президентского люкса. По верхней губе и правой щеке Круза размазался кокс. Он был похож на панка в дешевом костюме Санта-Клауса, которому кто-то взрезал левой. Пил и нюхал целый день. Теперь его глаза наполнились чем-то более определенным, и он был пьян этим ощущением. С трудом переставлял ноги, следуя за Рози.

Кто-то крикнул:

– И-ха! Где плетка?

Две другие спальни номера были заняты. В одной – пятеро, в другой – трое. Все потные, обдолбанные и трахались как кролики. Еще одиннадцать человек как замороженные смотрели одиннадцатый повтор «Звездных войн» на большом мониторе. Многие из них аплодировали представлению со стриптизом Чикиты. Кульминацией этого представления

был ее прыжок. Он вызвал смешок, но сейчас половина из них вроде как забыла о ее существовании.

Густые блестящие волосы, думал Круз. Ее сережки из перьев. Эмилио заплатил за бриллиант в ее переднем зубе. Черные бразильские глаза. Все это размазалось по бетону при столкновении с ним на скорости примерно сто километров в час. Камень побеждает плоть.

– Рози, она... – Круз не мог собраться с мыслями. Он зажмурился, потом шумно втянул воздух носом, и по щекам покатились слезы. – Прыгнула, мать ее.

– Заткнись хотя бы на минутку. – Рози с отвращением проверил, чем заняты придурки в соседней комнате. Никто ничего не заметит еще минут пять. На экране зажглись фейерверки спецэффектов. Он захлопнул дверь и за три шага подошел вплотную к Крузу. Тот не моргая смотрел на закрытую дверь и не понимал, куда делся Рози.

Рози славился эффективностью. Он рывком повернул Круза к себе и отвесил ему две пощечины, отчего Круз отлетел к стене и ударился о нее, по его губе потекла струйка крови. Он потерял равновесие, но облачко кокаина, висевшее в воздухе между ним и Рози, поставило его на ноги.

– Идиот, – проворчал Рози. – Почему ты не держал язык за зубами? Что с тобой не так? – Он топнул здоровой ногой, затем взъерошил редеющие рыжие волосы. У него был идеальный загар бизнесмена. Ему требовалось выпустить злость, но на то, чтобы исправить хаос, было слишком мало времени.

– Гребаный кусок птичьего помета! Черт побери! – Еще одна пощечина, на этот раз слабая, как нашкодившему ребенку. – Какого хуя ты сказал Чики прыгнуть, хотя знал, что она достаточно тупая, чтобы сделать это?

– Я ей не говорил. – Мозг Круза потерял способность следить за происходящим. – Я взял ее на слабо.

– Чудесно. Уверен, Эмилио это оценит. – Он отошел назад и, сложив руки словно для молитвы, начал обдумывать план. Круз видел по лицу Розы, как он расстановливает приоритеты.

В любую секунду мог раздаться звук сирен.

– Ладушки. Пять минут на то, чтобы люди пришли в себя после зрелища мясного фарша на террасе, еще десять – на то, чтобы они поняли, с какого балкона она упала. Если, конечно, никто не пожаловался на шум вечеринки. – У него появился план. Он порылся в кармане дорогого итальянского двубортного пиджака и опустошил кожаный бумажник. Затем сунул толстую пачку банкнот с портретом Франклина в карман брюк Круза. Следом выудил ампулу, завернутую в кусок ткани, и раздавил ее под носом у Круза.

– О... блять! – Круз содрогнулся в конвульсиях и зажал нос рукой. Казалось, что в его носовых пазухах разгорелось пламя. Он чувствовал, что его череп вот-вот взорвется.

Розы отошел назад. Не хотел, чтобы на его туфли «Гуччи» попала блевотина.

Круз упал на колени, жадно глотая ртом воздух, а Розы

продолжил:

– Копы перевернут все здание. Но не их тебе нужно бояться, а Эмилио. Знаешь, что произойдет, когда он приедет и найдет тебя здесь?

Снова пощечина. Круз поднял глаза. Ему было больно, но он пришел в себя.

Круз кивнул, его черные короткостриженные волосы колыхнулись в такт. Ясность сознания проехала по нему катком.

– Один из придурков в комнате по соседству расскажет Эмилио, что это я сказал Чики... взял ее на слабо и она прыгнула. Тогда я полечу следом за ней с балкона.

– Мальчик мой, если ты настолько тупой, что будешь дожидаться Эмилио здесь, я с удовольствием помогу ему вышвырнуть тебя. Ты знаешь расклад. И знаешь, что будет.

Круз знал и кивнул.

Когда Эмилио увидит, что его игрушка номер один размазана по террасе косвенно по вине Круза, он будет в бешенстве. Эмилио ненавидел вмешательство в его сексуальную жизнь. Круз уже представлял, как он врывается в президентский люкс. С теплой сиськой в одной руке и холодным бокалом Chivas ⁵ в другой наносит ему первый удар. А потом невозмутимо смотрит «Звездные войны», в то время как его подручные ломают каждую кость Круза в алфавитном порядке. Вечеринка удалась бы на славу. И Круз выле-

---

⁵ *Chivas Regal* – бренд шотландского виски.

тел бы из окна и слился бы с Чикитой так же, как арахисовое масло сливается с желе, когда роняешь бутерброд.

– Тебе нужно выметаться отсюда, pronto ⁶. – Рози не шутил. – Вытри лицо. Поймай такси внизу. Доберись до международного аэропорта Майами. Позвони мне. – Он достал одну из своих визиток. Круз знал, что на ней написано: Росс М. Вестервелт, консультант по бизнес-инвестициям. Рози нацарапал номер на обороте. Круз испытал абсурдное чувство гордости. Наконец он стал обладателем одного из секретных номеров Рози для чрезвычайных ситуаций.

Рози взглянул на свой Президентский Ролекс.

– Позвони ровно в пять. Ты успеваешь на самолет.

Казалось, время начало ускоряться, и Крузу это не нравилось.

– Рози, послушай меня, мужик. Она забралась на перила до того, как я успел ее схватить... и... я и не думал, что она прыгнет, серьезно. Но она приняла бог знает сколько дерьма, которое принес Телстар...

– Круз.

– ...это дерьмо еще никто не пробовал, и ей от этой химии крышу снесло, если понимаешь, о чем я, и...

– Круз.

– Я же просто пошутил, Рози!

Рози снова его ударил, уже не так сильно. Круз все понял.

– Круз. У нас нет на это времени. И у меня нет времени

---

⁶ Pronto (исп.) – быстро.

читать тебе мораль. Ты мне нравишься. Ты – один из лучших дилеров, и мне совсем не хочется, чтобы тебя в асфальт закатали. У меня есть приятель в Чи. Там можно залечь на дно.

Рози был единственным знакомым Круза, который мог называть этот город Чи и не выглядеть имбецилом. В его устах такое название звучало естественно. Круз считал Рози старомодным, но при этом достойным подражания. У Рози была любимая присказка: «Когда тебя окунают в таз с дерьмом, постарайся его не вдохнуть». Как-то Круз поймал себя на том, что и сам начал ее употреблять. В его устах она тоже звучала естественно.

– Я успокою Эмилио. Через пару месяцев он остынет, и ты сможешь вернуться. Эмилио успокоится, когда у него появится новая сучка. Но прямо сейчас тебе надо сматываться, пока не окунули в таз с дерьмом.

Круз грустно улыбнулся:

– Не хочется его вдыхать.

– Не заезжай в свою квартиру, слышишь меня?

– Но Рози, как же мои вещи и...

Рози перебил его:

– Нет и нет. Даже не заезжай в магазин за газировкой. Никому не звони. Езжай прямо в аэропорт и не предпринимай ничего. Жди до пяти часов. Потом позвони мне. К тому времени я достану тебе билеты. И запомни: тебя здесь не было, даже если тупицы из соседней комнаты будут утверждать обратное. Они под кайфом, а я – нет. Тебя здесь не было. Мне

нужно полчаса, чтобы придумать правдоподобную причину твоего отсутствия, но не волнуйся об этом. — Он снова взглянул на часы. — Наши первые пять минут истекли. А теперь вали отсюда, парень. Быстро!

Рука Круза нащупала карман, в котором лежала толстая пачка денег.

— Не тормози, — сказал Рози. — Вали.

Ни слез, ни сожалений. Круз просто тихо закрыл дверь за собой. Он же профи, в конце концов.

* * *

Когда пробило полночь, Круз уже был в аэропорту О’Хара. Стоял такой холод, что он чуть не отморозил себе яйца и думал, не совершил ли ошибку, оказавшись на этой чужой земле.

Он сделал глоток мутного кофе из автомата и обжег язык. Объявления по громкой связи звучали абсурдно. Религиозно-нейтральная воскресная утренняя служба пройдет в 06:30 в часовне на цокольном этаже. Выдача багажа находилась рядом с зоной вылета, откуда только что отправился рейс «Восточных авиалиний». У Круза не было с собой багажа, и он не представлял, куда податься. Он еще ни разу не убегал.

В этом аэропорту есть часовня, черт возьми.

Он вспомнил, как ехал в аэропорт Майами на такси. Всю

поездку нервничал и смаковал острый вкус паранойи – резкий, пучеглазый дистиллят всех страхов, которые у него накопились за двадцать один год жизни на этой планете. Он понял, что таксист заметил, как часто он оборачивается и смотрит в заднее окно, поэтому старался сидеть спокойно, вытирая потные ладони о штанины.

Он представлял, как телефон в его дуплексе звонит не переставая. На другом конце провода сопит один из парней Эмилио. Фантазировал, как толпа качков разносит его квартиру. Вот разлетается в щепки стол с профессиональными диджейскими вертушками и тонармом из углеволокна. Хрясь! Вот летят на пол компакт-диски. Хрусь-хрусь-хрусь. Брюхо его водяной кровати вспорото складными ножами. Плюх! Одежда методично разрезана на тонкие лоскуты. Коллекция рубашек работников заправок и рубашек для боулинга, с именами, вышитыми на красных овалах на груди... их больше нет. Гориллы Эмилио кайфовали от разрушения почти так же, как от изнасилований или убийств.

Все это случится, если в истории Розы будет изъян. Если Эмилио слетит с катушек.

Круз смотрел в глаза даме сердца Эмилио через размытое облако. Его реплика: «Ты достаточно глупа и обдолбана, чтобы прыгнуть вниз, Чики. Давай. Или тебе слабо?» Слова, которые за секунду изменили его жизнь.

Когда Боинг-737 оторвался от взлетной полосы, Круз пытался прикинуть высоту пяти этажей, с которой рухнула Чи-

кита. Предельная скорость равнялась десяти метрам в секунду. Успела ли Чикита набрать ее до того, как ее неотразимая улыбка и соблазнительное тело превратились в мешок переломанных костей?

Пять часов. Его руки дрожали, когда он набирал секретный номер Розы. Реле в телефоне откликнулись на звонок; Розы ответил после одного гудка.

– Круз, ладно, слушай. Этот номер подключен напрямую к моему наушнику. Возможно, Эмилио установил жучки на стационарные телефоны, а у меня не было времени их поджарить ради одного звонка.

Однажды Круз видел, как технарь Эмилио проделывал этот трюк. Он пустил мегавольтный разряд по телефонной линии. Оборудование телефонной компании пропускает шесть вольт. Поэтому невозможно убить человека, если бросить в ванну телефон. Разряд сделал с прослушкой то, что паяльник делает с волосом.

– Билет первого класса ждет тебя на стойке «Восточных авиалиний». Он оплачен. Пришлось доставить его с курьером. Платил кредиткой через двухфазный фильтр, чтобы нельзя было отследить платеж.

– Первый класс? Ух ты, Розы, я...

– Не целуй мой зад. Других билетов просто не было. Сколько я дал тебе денег?

Круз никогда не врал Розы, особенно если речь шла о чем-то важном.

– Тысячу семьсот. У меня еще было двести сорок, когда...

– Хорошо.

Хорошо. Бах. Чикита ударилась о площадку у бассейна. Кровь окрасила сточный желоб. Ее волосы были похожи на корону из багровых водорослей, собравшихся вокруг расколотого черепа. Круз видел эту картину перед глазами снова и снова. Она не надоедала.

– Купи себе все необходимое. Не покупай ничего выпендрежного. Это сделает мой человек в Чи. Я позвоню, когда пойму, что ты улетел.

– На чье имя билет?

– Рамон Агилар, – произнес Роза по буквам. Крузу снова придется изображать мексикашку. – Запомнил?

Круз повторил имя по буквам.

– Теперь иди в сувенирный магазин и купи себе сумку, зубную щетку, туалетные принадлежности, сам знаешь. Не забудь бритву. Когда будешь в самолете, сбрей усы. Купи журналы и еще что-нибудь. Может, фотоаппарат, чтобы сойти за туриста. Не надо, чтобы кто-нибудь запомнил, что у тебя нет с собой вещей.

– Роза, я... – Похоже, у Роза был сценарий, который Круз должен запомнить ради своего учителя. Сказать следовало многое.

– Заткнись. Проверь свои карманы. Если найдешь наркоту или таблетки, смой их в унитаз. Не бери с собой на борт. Понял?

– Да, хорошо. – На шее у него висела ампула с одним граммом на золотой цепи. Он нащупал ее под рубашкой. Даже улыбнулся. Уверенность Рози позволила ему немного расслабиться.

– И выкинь из головы то, что произошло с Чикитой. Подумаешь об этом позже. Главное – запомни: тебя здесь не было.

– Что насчет других чуваков на вечеринке?

На телефонной линии послышалось шипение. Наверное, Рози въехал в тоннель на своем «порше».

– Главное – не давать им трезветь, – сказал Рози. – Я спросил, видел ли кто-нибудь тебя. Большинство удивились, как ты мог пропустить такую вечеринку.

Круз кивнул. *Зомби херовы.*

– Пока всё пучком, парень. Постарайся не облажаться.

Крузу не хотелось вешать трубку, чтобы разорвать связь с Рози. Он уже чувствовал себя одиноким и напуганным... а он еще даже из Флориды не улетел.

– Эй, погоди. Как зовут парня, с которым я должен встретиться в Чи? То есть в Чикаго.

– Не твоя забота. Он сам тебя найдет. – Круз почувствовал, как суровое выражение исчезает с лица Росса Вестервельта. – Только идиот наденет гавайскую рубашку в метель. Порви ее. Пролей что-нибудь на нее. Потеряй. Купи новую рубашку и куртку. Или теплое пальто, если найдешь. Когда прилетишь, жди в белой зоне, рядом с выдачей багажа, пока

тебя не заберут.

Круз хотел вмешаться. Сказать что-то важное. «Спасибо» – все, что он смог произнести. И едва не расплакался.

– Будем надеяться, что никого не кастрируют из-за этой истории, парень. Всё, иди. Меня уже нет.

– Погоди.

Рози ждал на том конце провода одну секунду... две...

– Когда окунут в таз с дерьмом, постарайся не вдохнуть.

Послышалось фыркание, которое в других обстоятельствах можно было бы принять за смех. Затем связь прервалась.

Круз был готов играть роль тайного агента. Он ощутил разницу между чистилищем и раем, тигром и Дамой... третьим и первым классом. Ни за что на свете он не избавится от ампулы с кокаином. Это подарок от Розы, вместе с новеньким солдатским жетоном из чистого золота 96-й пробы. Он был не готов выкинуть его... или опустошить. Неподчинение в какой-то мелочи позволяет ощутить контроль над собственной жизнью. Круз решил не принимать никакого решения, пока не окажется на борту.

Он был счастлив, когда наконец услышал объявление о посадке пассажиров первого класса, сразу после федералов и детей. Остальные пассажиры (нищевроды) таращились на него. Он уже сидел в своем широком кресле и заказывал напитки стюардессе, в то время как они, пытаясь, протискивались по проходу, ища свое место. У стюардессы первого

класса по имени Тони были ноги, ради которых любой мужчина согласился бы совершить убийство. Казалось, ее юбка короче, чем у коллеги в экономклассе. Тони без конца улыбалась, на любую чушь, любую глупость, любую банальность. У нее были такие идеальные зубы, что приходилось всматриваться, чтобы увидеть разделяющие их полоски. В передней части самолета напитки сервировали с льняными салфетками и в стеклянных бокалах, в отличие от бумажных салфеток и пластиковых стаканчиков эконома. Тони постоянно и с радостью подливала текилу в стакан Крузу. Он так и не дошел до дна. Когда последовал совету Розы и попытался сбрить усы в туалете, с сожалением заметил, что уже порядком пьян.

Самолет подпрыгивал на кочках турбулентности при вхождении в зону более холодного климата. Алкоголь, употребленный Крузом, лоб в лоб столкнулся с ударной волной адреналина, вызванной очередным воспоминанием о падении Чикиты. Он порезал верхнюю губу безопасной бритвой. При виде собственной крови в воняющей бытовой химией кабинке туалета на борту Боинга-737, Круз не выдержал и провел следующие пятнадцать минут, блюя в бездну забвения унитаза. Вонь освежителя воздуха отзывалась рвотными позывами даже после того, как он до конца опустошил желудок. Трясущимися руками Круз сделал две кокаиновые дорожки, чтобы привести себя в норму. Затем спросил Тони, нет ли у нее пластыря.

Конечно, есть. Сейчас. Улыбка.

Из-за генов Круз не мог похвастаться растительностью на теле. Его грудь была гладкая, точно у среднестатистического японца. Поэтому то, что удалось отрастить усы, он расценивал как своеобразный триумф, хотя они не были массивными и не спускались ниже, к подбородку, и не переходили в бороду. Однако он все равно ими гордился.

Теперь их не стало. Они пали жертвой бритвы. Маленькое нечто превратилось в ничто. Еще один должок Эмилио, выданный чеком на предъявителя и выплачиваемый со счета гордости Круза.

Он вымыл и промокнул лицо, все еще бледный, с трясущимися руками. Зеркало не врало – он бледен как смерть, нужна сильная доза. Круз заклеил рану на верхней губе пластырем. Нижняя все еще болела от удара Розы. Тогда он был слишком под кайфом, чтобы чувствовать боль. Теперь ситуация изменилась.

Он рухнул на унитаз и потер лицо руками, чтобы вызвать прилив крови и вернуть ему хоть какой-то цвет. Удивительно, как его беззаботная жизнь оказалась поставлена на быструю перемотку. Если у Эмилио возникнут подозрения, жизнь Круза будет стоять меньше, чем дырявый носок на ноге алкаша.

Поймет ли Эмилио, почему Круз свалил из города? Нет, Розы обещал позаботиться об этом. Круз очень хотел иметь шанс перемотать день на начало. Вернуться в прошлое и изменить историю. Да и менять ничего не пришлось бы... кро-

ме того факта, что тупая сука Чикита была бы жива, а он сейчас находился бы в Майами, вместо того чтобы болтаться в воздухе где-то над Теннесси.

Его гавайская рубашка была запачкана блевотиной. Он скомкал ее на микростолике из нержавеющей стали. Затем промокнул подмышки, смазал их дезодорантом и натянул розовую футболку «Полиция Майами. Отдел нравов», купленную в сувенирном в аэропорту. Она была крахмаленная и жесткая. В аэропорту невозможно купить одежду без слоганов или надписей. Он выбрал толстовку, которая гласила: «ЖИЗНЬ – СУКА, НО ПОТОМ ТЫ СДОХНЕШЬ». Вывернул ее наизнанку, чтобы были видны белые строчные швы, и натянул на себя. Подумал о жилетке из овчины, которую носил Борис Карлофф⁷ в фильме «Сын Франкенштейна»⁸. Чем не начало тренда?

Он запихнул гавайскую рубашку в синюю нейлоновую сумку, купленную в аэропорту. На ней дешевой шелкографией было написано «КОМАНДА NIKE». Не хотелось ее выбрасывать. Неожиданно она приобрела для него сентиментальную ценность. Может, получится сохранить, сберечь и надеть, когда он наконец вернется домой... если все сложится хорошо.

Идея полета в обратном направлении казалась невыно-

---

⁷ *Борис Карлофф* (1887–1969) – американский актер британского происхождения. Настоящее имя – Уильям Генри Пратт.

⁸ «Сын Франкенштейна» – классический фильм ужасов Роулэнда Ли 1939 года.

симо соблазнительной. Иногда будущее похоже на удачный флирт.

Капитан Фальстафф объявил о снижении.

Чикаго. Они должны приземлиться в 22:45 по местному времени. Тони улыбнулась и проверила его ремень безопасности. У нее точно есть парень, красавчик-блондин и, возможно, тренер по карате. Круз подумал, улыбается ли она точно так же, когда он ее трахает?

Вообще, такие жизнерадостные люди занимаются сексом?

После приземления в аэропорту О'Хара, Круз осознал, что ему не очень хочется покидать теплый кокон самолета. Это будет означать разрыв еще одной связи с домом. Но в этом была и положительная сторона. С каждым сантиметром, на который Круз отдалялся от дома, Эмилио тоже становился дальше.

Он подумал, чем сейчас может быть занят Эмилио, и впусую попытался найти часы в незнакомом терминале. То, что удалось сохранить ампулу с кокаином и гавайскую рубашку, вызвало прилив абсурдной радости. Эти вещи подтверждали его идентичность, на случай, если он окончательно сойдет с ума.

Чикаго казался красивым лишь с высоты в десять тысяч метров. Во время снижения заплатки из снега и льда, которыми был испещрен ночной пейзаж, выглядели еще более зловещими. Он задавался вопросом, сколько раз обледеневшая взлетная полоса становилась причиной авиакатастро-

фы? Единственное препятствие, которое может замедлить скольжение огромного самолета, – это крепкое здание, полное людей. Вероятно, поэтому такие здания называют терминалами.

В Майами Круз потратил четыреста баксов на 35-миллиметровый фотоаппарат Minolta вишневого цвета. Теперь он лежал на дне сумки Nike. В больших аэропортах всегда были сувенирные магазины, а также более серьезные заведения, с астрономическими ценами. Упаковка батареек АА в них стоила в четыре или пять раз дороже такой же упаковки в обычном сувенирном. С помощью этого фотоаппарата Круз пронес ампулу с кокаином на борт. Он засунул ее в отделение для фотопленки и, проходя через металлоискатель, отдал фотоаппарат для ручной проверки. Без проблем.

Подумал, что когда-нибудь научится пользоваться фотоаппаратом. Чтобы было чем заняться.

Большинство пассажиров «Восточных авиалиний» испарились, забрав свой багаж с карусели. Круз почувствовал беспокойство, обычное для авиапассажира: «Что, если служащий в зоне выдачи багажа попросит у него талон на багаж, который он взял с собой на борт?» Такого ни разу не было за почти сто авиаперелетов, но он каждый раз об этом думал. Странно. Круз улыбнулся проходящим мимо сотрудникам службы безопасности аэропорта – точно так же, как сделал в Майами, когда проходил досмотр на металлодетекторе. Кто, я подозрительный?!

Автоматические двери распахнулись, и Круз впервые ощутил воздух Чикаго.

Снег прекратился. Это позволило рейсу, которым летел Круз, прибыть вовремя. Снег, выпавший раньше, бульдозеры собрали в кучи вдоль припаркованных машин. Его цвет градуировался от белого до серого и грязно-черного в самом низу полутораметрового сугроба. В воздухе висел запах моторного масла. Ветер продувал Круза насквозь – сильный, холодный, гремющий тяжелыми раздвижными дверьми. Нерастаявшие снежные хлопья поднимались с сугроба и вихрем кружились в воздухе, словно белые песчинки. Во время полета по внутренней связи сообщили, что с учетом ветра теплоощущение в Чикаго – как при минус двадцати и становилось все холоднее. После первого вдоха Крузу показалось, что он залпом выпил рюмку неразбавленного спирта. Выйдя на улицу, он снова вдохнул воздух. Холод пробрался под толстовку. Волоски в ноздрях смерзлись. Они подтаяли при выдохе, но стали влажными и замерзли еще быстрее при следующем вдохе.

Круз и раньше видел, как его дыхание превращалось в пар. Две струи пара, вырывающиеся из его ноздрей, по густоте напоминали дым паровоза. Все это казалось странным и немного волнующим. Он прислонился к урне и начал изучать глазами автомобили у выхода. Температура урны равнялась температуре поверхности Луны, а прикосновение к ней было сравнимо с погружением голый руки в жидкий кис-

лород.

Круз уже начал чувствовать себя потерянным и несчастным, когда сквозь снежную жижу прорвался безупречный «корвет» 1971 года и припарковался на свободное место у тротуара. Он был покрыт каплями воды, а из его выхлопной трубы шел пар, по цвету и густоте похожий на дыхание Круза.

Клаксон дважды просигналил. Круз нагнулся к окну и заметил собственное отражение в зеркальном стекле. Затем то опустилось, и он впервые увидел чикагского приятеля Розы по имени Баухаус.

Четыре

– Поглядите-ка, кого принесла нелегкая. Хоспади Иисусе, в автобусе для калек.

Джонатан слишком устал в дороге, чтобы быстро обернуться на голос. После нескольких часов в неудобном кресле его позвоночник напоминал букву S. Он ослабил хватку на рюкзаке и немного расслабился, как стрелок на Диком Западе – за мгновение до того, как был готов выхватить пистолет, чтобы пристрелить оппонента. На сей раз пистолет не понадобится. Этот голос был ему слишком хорошо знаком.

– Хотя, с другой стороны, Иисус был пожирнее. И страшнее. – Тень, излучающая тепло, встала между Джонатаном и холодным воздухом, врывающимся через автоматическую дверь автовокзала.

– Хочешь сказать, про меня никогда не снимут кино?

Джонатан позволил себе улыбнуться.

– Только если «Топор любви» с рейтингом 18+.– Большие руки легли Джонатану на плечи и грубо их помассировали. – Хочу два билета прямо сейчас.

Джеффри Холдсворт Чалмерс Тесье развернул Джонатана, который был похож на марионетку в руках крупного мужчины, и заключил его в крепкие объятия, сопровождаемые похлопыванием по спине и несвязной приветственной болтовней. Джонатан увидел, как карие, словно у немецкой ов-

чарки, глаза расширились, чтобы впитать образ давно не виденного друга. Лошадиная ухмылка Джеффри оказалась разительной.

– Баш, чувак, – сказал Джонатан. Обнимая Баша здесь, в здании терминала, он чувствовал, что это – его семья. Баш достал из багажного отделения дополнительный багаж Джонатана – набитую оливковую спортивную сумку с красными кожаными ручками. Баш всегда был крупным, широкоплечим мужчиной с сильными руками. А в своем темно-зеленом пальто он казался еще больше. Под летящим подолом Джонатан заметил выцветшие черные джинсы и потертые альпинистские ботинки с ярко-зелеными шнурками.

– Давай, приятель. Если намереваешься дольше отираться возле этой помойки, я тебя пожалею и подкину мелочишки.

Эта фраза привела Джонатана в чувство, и он впервые осознал, где находится. Из мужского туалета впереди вышел чернокожий мужчина в выдавшей виды куртке. Он шел босиком. Подошвы его ног пепельного цвета были изъедены морозом. Из толчка послышались резкие звуки, усиленные акустикой кафеля. Потом дверь захлопнулась и шумы смолкли.

На что бы он ни взглянул в здании терминала, его всюду встречала враждебность большого города, словно обитатели автовокзала не хотели быть замеченными. Слишком часто Джонатан ловил на себе этот взгляд за короткое время. Он чувствовал, что все взоры в этом вместительном помещении устремлены на него – чужака, постороннего, неместного, чи-

стенящего, в новых ботинках. Они смотрели на него не мигая и искали в нем недостатки.

– К черту этих придурков, – сказал Баш. – Половина из них сдохнет к утру. – Мужчина, вышедший из туалета, проплыл мимо них. – Разве я не прав, мудак?

– Дай денег домой позвонить, – скорректировал свой курс бомж, махнув рукой в сторону таксофона.

Джонатану казалось, что присутствие Баша вызвало у бомжа отторжение. Он не сводил глаз с его ног – окостеневших, гнилых, не подлежащих восстановлению. Если бы кто-нибудь в этот момент попросил у Джонатана денег, он бы не сдвинулся с места и продолжал смотреть как дебил. Ладно. Он был слишком вымотан. Заряд закончился. Пускай Баш защитит его от внешнего воздействия на какое-то время.

Джонатан потряс головой. Ощущение никуда не исчезло. У него было изможденное выражение лица невыспавшегося человека, которого только что разбудили.

– Привет, – сказал он.

– И тебе привет, – ответил Баш. – Добро пожаловать в ад. Здесь выход на парковку.

Он направился к огромной «тойоте» с цепями противоскольжения на колесах.

Баш. А почему Баш? В характере Джеффри придумывать что-то, не достаивая логичным объяснением. Баш. Прозвище подходило этому крупному мужчине. У всех знакомых Джонатана была кличка... кроме него самого. Аманду он

звал Печенькой, Зеленоглазкой или Роскошной, в зависимости от того, насколько сексуальным был их телефонный разговор. Короткошерстного терьера, живущего по соседству, они звали Собачья Морда, несмотря на кличку Док. Аманда звала своего кота Пупсиком, хотя его настоящее имя было не менее приторным. После элективных занятий по классической философии или антропологии в Университете Луизианы Джонатан коротал время в таверне Гризли, попивая пиво в компании Баша, Длинного, Гриба и Безумного Макса. А вот у самого Джонатана прозвища не было. В школе его звали Джонатан плюс первая буква фамилии, чтобы отличать от всех тесок в классе. Он прекрасно себя чувствовал среди всех Майков, Джеффов, Кэти и Дэбби, получивших свои скучные имена в эпоху чудесных шестидесятых. Ему повезло, что его не называли Глифом, Рейнбоксом или Сативусом. И что его фамилия была удивительно прозаичной.

Просто Джонатан. Эй, дерьма кусок. Да, ты.

Он думал, что у всех есть другое имя, альтернативная личность. Иногда удается разглядеть оборотную сторону человека, которого знаешь с ног до головы. Иногда эта сторона совсем неприглядная. Некоторые люди ни разу в жизни не сталкиваются с отвратительными чертами самых близких.

Баш говорил о пиве, периодически переключая скорость и подправляя ход, если машину начинало заносить на снежной жиже. Джонатан подключился к разговору.

— ...можно сказать, интересные местные пивоварни непо-

далеку от города. Это единственное, что мне нравится в провинциализме. Местное пиво. Не дождусь познакомить тебя с «Тихоней».

– Кто она?

– Не кто, а что. Пиво. – Баш был хорошим комиком. Он сделал паузу, чтобы до Джонатана дошла шутка.

– Пиво «Тихоня»? – Джонатан не смог сдержать улыбку. Это было непривычно и почти больно. – Пиво «Тихоня»?

– Звучит по-дурацки, правда? – Баш ухмылялся как стендап-комик. – Ты же не ударился в религию с тех пор, как мы виделись в последний раз?

– Нет, я люблю пиво.

Вино было напитком, который Джонатан больше не мог пить. Он потратил несколько лет жизни на то, чтобы культивировать вкус к основным сортам вин. И гордился тем, что знает, какое вино к какому блюду выбрать в ресторане. Но не теперь. Он больше не пил вино, потому что...

– Надо познакомить тебя с пивом «Тихоня», – продолжал Баш. – Тебе будет смешно до усрачки.

Джонатан кивнул. Улыбка застыла на его лице как цемент. Нежное, бархатистое подводное течение воспоминаний утянуло его за собой и пыталось утопить снова. Из-за него он разрыдался в автобусе. Из-за него же не мог и слова сказать сейчас.

Джонатан больше не пил вино, потому что...

Это был один из их последних «адских ужинов», атмосфера была ужасной. Слишком много застывшего молчания.

Джонатан всегда мог отличить женатые пары в ресторанах. Они не разговаривают друг с другом, больше сосредоточенные на своих тарелках, чем на глазах супруга. То же касается устоявшихся отношений — тех, которые на полной скорости несутся в канализационный отстойник испорченных человеческих эмоций.

Этот чертов ужин обойдется в пятьдесят баксов, без учета чаевых, подумал Джонатан. Аманда включила режим избалованного ребенка на полную катушку. Ей было плевать. И ни один из них не ощущал вкуса еды.

В тот вечер Аманда прошла по всему списку: она стареет, она толстеет (не так ли?), она зарабатывает недостаточно. Джонатану плевать на то, что ее работа в ипотечном бизнесе не приносит достаточно денег и ситуация вряд ли изменится. Джонатану плевать на всё и всех, кроме него самого. Никто никогда не любил ее по-настоящему. И никто никогда не полюбит. Ей скоро тридцать, а у нее еще нет детей. Если бы она была небезразлична Джонатану, он давно что-нибудь бы предпринял. Она ненавидела свою чертову жизнь.

И, *о да*, Джонатану было плевать. Разве не так?

На этом утверждении следовало запротестовать. Ему бы-

ло не все равно. И переживания испортили этот ужин.

Но она не слушала его, уверенная в том, что ему плевать. И, слово за слово, сообщила, что в последнее время часто думает о самоубийстве.

Аманда никогда не говорила об этом вслух, но обвиняла Джонатана в том, что он распял ее на кресте, который она ненавидела. Аманда терпеть не могла, когда ее в чем-то обвиняли, даже если была в этом виновата.

Он знал, что она скажет потом.

– Ты не хочешь выслушивать все это дерьмо, Джонатан. Почему не скажешь, чтобы я валила к чертям собачьим?

Слишком просто. Именно этого она и хотела. Если она вытянет из него эти слова, то вина за прекращение их отношений будет лежать исключительно на нем. Еще одна маленькая смерть. Образ враждебного и уничтожающего все вокруг мира в глазах Аманды получит новое подтверждение, если ей удастся довести до кипения такого терпеливого человека, как Джонатан.

Аманда постоянно бросала курить, щелкала суставами пальцев и ковыряла болячки, пока они снова не кровоточили.

Джонатан никогда не позволил бы ей так легко вывести его из себя. Гнев не решит проблемы. Он сказал ей об этом.

– Здорово. Ты хочешь сказать, мне доставляет удовольствие выводить из себя того, кому я небезразлична. Просто великолепно.

Он сжал руками воздух. Все равно что собирать компьютер из эктоплазмы. Опять слезы.

«Нет», – ответил он. Но кажется, что ее удовлетворило бы, если бы жизнь на самом деле оказалась такой беспроектной, какой она себе ее представляла. Аманда подпитывала свое несчастье, потому что для нее это чувство было знакомым. И вести себя как стерва легче, чем что-то делать. Он ждал, что она, как обычно, огрызнется: «Забудь, Джонатан. Это же неважно, правда? Тебе плевать, ты не понимаешь и никогда не поймешь».

Вместо этого она выплеснула белое бордо из бокала ему в лицо. Вероятно, пересмотрела сериалов и решила воспроизвести дешевую мелодраму.

Он не успел прийти в себя, а она выбежала из ресторана. Все разговоры смолкли.

Белое вино стекало по его лицу, жгло глаза. Он слышал удаляющиеся шаги Аманды. Все смотрели на него. Где-то за спиной раздался короткий женский смешок. Потом вокруг зашептали, но без тени сочувствия.

Он не позволил Аманде взять верх. *Поздравляю. Ты победила. Это важно, черт возьми.*

Джонатан вытер лицо. Официант принес ему чистую салфетку. Он заказал капучино. Может, лучше остаться здесь, пока свидетели драмы не закончат свой ужин и не разойдутся по домам. Пять минут спустя он почти высох и перестал краснеть. По вкусу капучино напоминал барий. Джона-

тан оставил щедрые чаевые.

Весь путь домой он проделал пешком. Пятьдесят минут, на автомате переставляя ноги, думал, размышлял и наконец пришел в ярость.

Когда попытался открыть дверь своим ключом, обнаружил, что та закрыта на цепочку. Он улыбнулся. Затем ударил дверь ногой, вырвав цепочку вместе с болтами, которыми она была прикручена.

Наверное, Аманда ждала, что он виновато замедлится у двери в спальню. Они обмениваются красноречивым молчанием или еще более бесполезными извинениями и продолжают разрушать жизнь друг друга.

Но Джонатан не остановился на пороге.

Он схватил ее за горло, сжав шею с такой же уверенностью, с какой ее влагалище сжимало его член. Вспоминал времена, когда после ужина они занимались любовью, смеялись, дурачились и боролись друг с другом. Аманда попыталась вырваться, но он был сильнее, а она находилась в невыгодной позиции.

Затем ее испуганные глаза заметили то, что было у него в руке. Он взял это на кухне.

Джонатан никогда не бил Аманду, не собирался делать этого и сейчас. Она кричала, чтобы он отпустил ее. Затем увидела странный блеск в его глазах и замолчала ради своего блага – как кошка, попавшая в капкан и смирившаяся с собственной участью.

Джонатан знал, о чем думала Аманда: «Вперед. Делай, что задумал. Ты заплатишь потóм. Своей виной».

Почти безучастно он спросил, что она о себе возомнила. Продолжая прижимать ее к подушкам, вылил на нее полуторалитровый кувшин ледяного рейнского вина. Оно выливалось из горлышка, образуя пену у ее носа и рта.

Аманда попыталась закричать.

Вот до чего все дошло. Он сделал ей больно в ответ на крошечные агонии, которым она его бездумно подвергала во время их разговоров. Она делала это рефлекторно, не желая зла. Реакция Джонатана тоже была рефлекторной: он действовал как робот – не человек. Это делал кто-то другой, нарядившийся в его шкуру.

Он сделал ей больно, потому что больше не мог доставить ей удовольствие. Любая эмоциональная реакция была лучше сухого вакуума стресса и медленного яда их разлагающейся любви.

Аманда глубоко втянула воздух, всхлипывая и дрожа на кровати. Джонатан намеренно оставил кувшин на комод. Ей придется коснуться этой омерзительной вещи и прочувствовать воспоминания о своем унижении, даже если потом она просто выкинет посуду в помойное ведро.

Наконец Джонатан сорвался. В этом нет сомнений. Дверь захлопнулась, и они оказались по разные стороны. Время уходить. Только идиот – или еще больший мазохист – не понял бы этого.

По задумке, его месть была блестящей. Никогда больше Аманда не сможет взглянуть на бутылку вина, не вспомнив о своем унижении, в котором сама виновата. Но неожиданно эффект оказался обоюдным. Теперь вино и Джонатану напоминало о том, что он сделал с Амандой.

А пиво напомнило, что он больше не пьет вино.

* * *

– ...Возможно, треть пригородов на востоке и юге Чикаго – так называемые сухие районы, представляешь себе? На одной улице можно купить алкоголь, а через пару кварталов его продажа вне закона. Местные копы звереют при виде открытой бутылки. Оправдание для народа – «достоинство». Но все дело в денежных потоках. Ты же знаешь: чувство вины, байки о вреде алкоголя – все это троянский конь. Все, чего они хотят от нас...

– Дань, – сказал Джонатан, вновь обретя дар речи. – Чтобы мы набивали денежками их карманы.

– В точку! Но я ни разу не был в «сухом районе», пока не переехал сюда.

– Что они предлагают взамен? Если нет баров и магазинов с выпивкой, что вместо них?

– Церкви, приятель. Куча апартаментов для Бога. Из-за постоянного звона колоколов по воскресеньям кажется, что ты попал в лабораторию Ивана Павлова. Единственный воз-

можный рефлекс в этом случае – попасть в объятия к демоническому алкоголю.

– Который приходится покупать за пределами «сухого района», верно?

Баш ухмыльнулся. Джонатан редко встречал людей с такими крупными зубами.

– Ты уже понял, как все тут устроено, сынок. – Он ударил по тормозам и вывернул руль, чтобы не сбить псину, перебежавшую дорогу. Промокшая, лохматая, замерзшая и голодная собака бросила в сторону пикапа взгляд, полный паники. Она напомнила Джонатану бомжа с автовокзала. Кто знает, может, это была его потерянная шавка. Собаки часто становятся похожи на своих хозяев.

Ты снова бежишь.

Он еще не рассказывал Башу об Аманде. Его реакцию легко предугадать. *Ты кайфуешь от дерьма этого сорта, сказал бы он. Старый добрый Джонатан размякает и говорит: нет, ты вовсе не ведешь себя как стерва, сказал бы Баш. Ты постоянно наступаешь на одни и те же грабли. Затем он напомнил бы, что сам уже много лет не испытывает чувства вины. Вины не существует, сказал бы он. Это чувство слишком дорого обходится, и ты ничего не получаешь взамен, сказал бы он.*

Не говоря о том, что побег от Аманды мог означать что-то еще. Побег может быть своего рода очищением, декларативным актом. А еще – трусостью, детской реакцией на про-

блемы взрослых.

Автомобили, погрязшие в снежной массе, сигналили во тьме. Вода размывала свет уличных фонарей в яркие вспышки одного цвета.

Джонатан начал инстинктивно тереть ладони о штаны. *Прочь, проклятое чувство вины.* Его ноги в ковбойских сапогах буквально жарились. Баш включил печку в машине на полную.

Улицы, пронесившиеся за окном, были темными, обледелыми, зловещими. Мотор тарахтел, дворники скрипели, Баш не отрывал глаз от дороги.

Джонатан прочистил горло, которое, казалось, смазано двойным слоем липкой грязи.

– Кстати, как называется район, в котором можно купить алкоголь? «Мокрый район»?

– Хо-хо-хо. Тебе здесь точно понравится. Насколько я помню, в газетах такие районы называют «депрессивными кварталами». Они тянутся до Дивижн-стрит. В них полно заброшенных полуразрушенных зданий. Словно власти хотят подчеркнуть свою цивилизованную тягу бороться с упадком городских окраин.

– Хотят уменьшить масштаб?

– Абсолютно точно. – Баш потер губу указательным пальцем, изображая чистку зубов. – Ты знал, что, когда алкаши замерзают до смерти, они чернеют? Неважно, какого цвета была их кожа при жизни. Стремно. Как кости при раскоп-

ках. Каждую весну после оттепели находят около сотни трупов. Тех, кто сидел на автобусной остановке или на бордюре, попивая стеклоочиститель или этанол, а их занесло снегом. Когда снег сходит, в сточных желобах постоянно видишь их одежду. Некоторые трупы вымывает из того, что было на них.

Одного взгляда по сторонам было достаточно, чтобы понять – снег здесь мог похоронить или стереть практически что или кого угодно. Джонатан видел безликие дюны снежных сугробов недельной давности, из которых торчали бамперы автомобилей. Иногда снег, будто лавина, поднимал автомобиль. Было несложно представить себе трупы, незаметно погребенные под огромными белыми сугробами.

На поверхности улиц – серая жижа. Черный лед. Замерзшие лужи цвета масляных разводов. Вафельные отпечатки протекторов тысяч шин. Кривые клыки сосулек частоколом свисают со всех доступных карнизов и сочатся ядом грязной воды. Они раздулись, словно сталактиты, освободились от оков и упали на землю, чтобы стать частью замерзшей арктической топографии, а затем превратиться в пар и наполнить собой грязный воздух. И наконец конденсироваться, чтобы стать новыми сосульками.

– Как ты тут живешь? – спросил Джонатан.

– Главное – не выходить на улицу. И много бухать. – Машина с трудом преодолела первый из нескольких узких поворотов. – Непривычно наблюдать за местными, когда на-

чинается сезон снегопадов. Они делают вид, что ничего не изменилось. И упорствуют в этом. Разъезжают на огромных машинах, скользя и врезаясь друг в друга на перекрестках. А выражение их лиц остается неизменным. Словно это Божий замысел, и они не в силах его постичь.

Баш решил не выезжать на скоростное шоссе, потому что там царил настоящий ад. Автомобили смешались в одну кучу, будто игрушки на полу детской. Замерзшие ряды задних фонарей напоминали безумную модернистскую скульптуру из неона: черный асфальт, проступающий двойными полосками из-под ледяного наста; полицейские проблесковые маячки, отражающиеся на сугробах всевозможными оттенками красного – от розового до пурпурного; морозно-голубые огни эвакуаторов; бриллиантовый блеск фар дальнего света, освещающих не тот путь. И на все это с небес падает белизна, как легендарное проклятие, посланное на смертных, которым пришлось в голову путешествовать на автомобиле в такую погоду. Белизна, накрывающая все вокруг покрывалом: накрахмаленный саван мертвеца, бесцветные и бескровные останки, визуальное выражение абсолютной смерти.

Баш обратил внимание на пробки на скоростном шоссе и в свойственной ему манере заметил с горьким сожалением:

– Как я и говорил, все они стараются не обращать внимания на снег. Идиоты. И... мои поздравления. Только что завершилась твоя первая экскурсия по району Рассет Ран, и тебя не ограбили. – Следующую фразу он произнес голосом

Рода Серлинга ⁹: – И не убили.

– Рассет Ран. Звучит так, будто кто-то переел мексиканской еды.

– Кстати, это твой первый «сухой район».

– Ах, вот на что они похожи. Я почувствовал нечто злое. – На самом деле Джонатан ничего не почувствовал. Просто пришлось к слову.

Улицы густонаселенных кирпичных домов сменились деревянными пригородами, соединенными между собой живописными дорогами, на которых освещение почти отсутствовало. Иногда вокруг были только деревья, тени и снег. Джонатан представлял себе горящие глаза ночных лесных обитателей. Они разглядывали дорогу и пытались понять, что за звери эти автомобили.

– В этой глуши полно дубов. – Баш все еще был в режиме экскурсовода. – Окленд, Окдейл, Ок Ран, Ок Парк, Оквуд ¹⁰. Могучий дуб, придающий потомкам бутлегеров и гангстеров фальшивый налет высшего класса. В подобных местах больше домов, построенных Франком Ллойдом Райтом, чем в любом другом регионе страны. Вообще, что касается домов – они здесь вполне крепкие. И не разваливаются, в отличие от исторических зданий в Новом Орлеане. Скоро домов,

---

⁹ Род Серлинг (1924–1975) – американский сценарист, драматург и телевизионный продюсер. Создатель сериала «Сумеречная зона» (1959), в котором он также выступил в роли рассказчика.

¹⁰ В названиях всех этих топонимов присутствует английское слово oak – дуб.

увешанных испанским мхом, вообще не останется – если ты понимаешь, о чем я.

Плюх! Джонатан снова погрузился в свои мысли и вернулся к реальности после того, как пикап проехал по огромной луже, покрытой льдом.

– Прости, – сказал он, – меня вырубает. Слишком долго не спал.

– Ммм. Дорожная лихорадка. Классический случай. Тебя спасет глоток крепкого турбо-кофе из кофемашины дядюшки Баша.

– Или пиво «Тихоня».

Он жалел, что пропустил шутку Баша о пиве «Тихоня», занятый своими мыслями. Если он не будет давить, вероятно, услышит ее снова. Баш любил поболтать, особенно когда разговор касался его теории о том, почему этому гребаному миру скоро придет конец.

– Что за турбо-кофе?

– Санта-Клаус в соблазнительном обличье Камелы даровал мне кофемашину Krups Espresso Novo. Последняя модель. Я неделю потратил на то, чтобы понять, как взбивать молоко для капучино. Она, словно «Невероятно огромный человек»¹¹, залила молоком, будто спермой, всю кухню. Но теперь я неплохо справляюсь с насадкой вспенивателя. Мне приходилось пить все свои эксперименты – кофе слишком

---

¹¹ «Невероятно огромный человек» – американский фильм ужасов 1957 года. Реж. Берт А. Гордон.

дорогой, чтобы его выливать. Торкало, пока я учился. Следующие пару недель я засыпал с трудом. Научившись варить эспрессо, я смешал свой первый хот-шот ¹². Пропорция – четыре ложки кофе на две с половиной чашки воды, чтобы крепче. Потом добавляешь шот «Бейлиса», шот «Калуа». Завершающий штрих, в зависимости от настроения – амаретто, или «Франджелико», или шоколад. Так рождается гибрид. Вуаля, турбо-кофе.

– Настоящий кофейный Франкенштейн.

– Оно живо-о-ое! – У Баша не очень получалось пародировать Колина Клайва ¹³. – Он сбивает тебя с ног и одновременно приводит в чувство.

Джонатану стало интересно, сколько порций турбо-кофе Баш успел выпить.

Пикап съехал с холма, на встречную полосу, и подрезал придурка, пытавшегося припарковаться на сугробе величинной с его французскую машину. Скорость была небольшая, обошлось без последствий.

– Эй, идиот, сначала получи права! – закричал Баш. – Или мозги! И научись водить! И купи американскую машину, черт возьми!

– Где мы сейчас? – Иррациональная паника завладела

---

¹² Хот-шот – алкогольный коктейль на основе эспрессо.

¹³ Колин Клайв (1900–1937) – британский актер. Исполнитель роли Генри Франкенштейна в фильмах «Франкенштейн» (1931) и «Невеста Франкенштейна» (1935).

Джонатаном. Он понял, что в одиночку не найдет дорогу до автовокзала.

– Район Элмвуд-парк.

– Мокрый или сухой?

– Мокрый. Кажется.

– Слава Богу!

Он наблюдал за тем, как Баш ловко переключил скорость, чтобы замедлиться на повороте. Пикап с легкостью преодолел опасный ледяной участок дороги. Они повернули на боковую улочку. Аккуратные домики, перепачканные снегом, образовали две параллельные линии, которые пересекались где-то в бесконечно удаленной точке во тьме, за пределами поля зрения Джонатана. Пейзаж, достойный рождественской открытки. В каждом окне гостиной холодным светом горел огонь телеэкрана. Жизнь в холодильной камере морга, спокойствие обескровленной бело-голубой плоти, стабильность трупного окоченения.

Улочку, на которую свернул пикап, заблокировали два полуметровых сугроба. В тусклом свете они напоминали бетонную стену. Колея была наполовину погребена под свежесвыпавшим снегом. «Тойота» двинулась вперед. Джонатан подумал, как тяжело обыкновенной машине преодолеть это препятствие. Все равно что бежать по пояс в воде. Баш переключился на первую скорость и выжал педаль сцепления, чтобы заехать на крутой пандус, ведущий на второй парковочный уровень. Парковка была открыта всем ветрам. Ме-

сто, где припарковался Баш, на полметра торчало из-под крыши. Поэтому на капоте каждой стоявшей здесь машины имелся аккуратный сугроб.

– Вчера колеса вмерзли, – сказал Баш. – Просто ужас. Мне удалось выехать только с помощью домкрата. Я подвел его под днище, а затем выбил. – Он хлопнул в ладоши. Хлопок откликнулся эхом с дальнего конца парковки. – Невозможно ехать, если не прокручиваются колеса.

Когда Джонатан открыл пассажирскую дверь, порыв ветра чуть не захлопнул ее снова. Он посмотрел на дверь в недоумении. На второй попытке придержал ее ногой. Над ними высились пять этажей многоквартирного дома. Запотевшие окна озарял свет телевизоров.

– Приехали? – спросил Джонатан.

– Дом, милый дом. – Баш закатил свои карие глаза. – Добро пожаловать в ад.

Пять

– Добро пожаловать в рай, моряк. Ты же Круз, верно?

«Корвет» был покрыт по меньшей мере восьмьюдесятью слоями лака. Он выглядел так, будто его погрузили в жидкое стекло кроваво-красного цвета. Круз попытался заглянуть внутрь через щель приспущенного окна.

– Меня зовут Баухаус, и я терпеть не могу находиться рядом с отребьем. – Голос вылетел через щель вместе с облаком теплого воздуха. – Ты меня понял? Залезай, пока яйца себе не отморозил.

Круз швырнул сумку Nike на пол салона и сам втиснулся на пассажирское сиденье. На резиновом коврике образовалась лужа. Его волосы намокли в теплом салоне автомобиля. Только что замерзал, и вдруг промок до нитки.

– Господь всемогущий! Малыш, придется раздобыть для тебя пальто, если ты планируешь задержаться в этой распределительной зоне подольше.

Баухаус протянул ему напудренную мягкую ладонь. Он был крупным и бледным мужчиной. Круз заметил лацканы пиджака от «Армани» под английским плащом на меховой подкладке. Возможно, на нем цветное шелковое белье.

Круз спрятал ладони в подмышках, чтобы согреться, поэтому быстро кивнул. Он уже скучал по Флориде, Розе и рубашкам для боулинга. Ему не нужны новые друзья. «Корвет»

отъехал от погрузочной зоны под стук зубов Круза. Баухаус убрал отвергнутую руку и взглянул на дорогу, притворившись, что сосредоточен на вождении. В салоне автомобиля витал запах дорогого одеколона с нотами лайма и дыма.

Когда зубы Круза перестали стучать, он почувствовал пульсирующую боль в верхней губе. Тепло обострило чувства. Он топнул ногой, чтобы восстановить циркуляцию крови, и вскоре ему показалось, что по венам течет кислота. Из носа потекло. Когда он попытался прочистить горло, из носа вылезла холодная сопля. Отвратительно.

Баухаус открыл бардачок и достал бумажные носовые платки. Круз заметил стопку компакт-дисков и нечто похожее на рукоятку револьвера.

Круз шумно высморкался. Баухаус спросил:

– Ну что, наконец почувствовал себя человеком, малыш?

Избежать разговора с Баухаусом не получится. Рози сказал бы, что всё для его же блага.

– Итак, – начал Круз, – почему Чикаго? – Ему до смерти хотелось узнать ответ. – И хватит называть меня «малыш». – С тех пор как усы канули в Лету, он стал более трепетно относиться к своей мужественности.

– Прости. Начали общение не с той ноты. – Баухаус порылся в кармане плаща. С каждым его движением в воздухе разливалась новая волна запаха одеколона. У Круза защипали глаза, затем наполнились слезами. – Курнёшь?

Круз принял предложение и прикурил от автомобильного

прикуривателя. После кокаина и алкоголя на борту самолета ему не хватало сладкого дыма. Это тоже своего рода теплый воздух. Сам Баухаус отказался от затяжки и вынул из нагрудного кармана хромированную фляжку, стилизованную под ар-деко.

– У меня свой способ согреться. – Он сделал глоток и усмехнулся.

Ну и весельчак этот Баухаус.

Они пронесли мимо ярко освещенного знака «Добро пожаловать!» с метровой неоновой подписью мэра города.

Через какое-то время Баухаус вздохнул и сказал:

– Хорошо, я скажу тебе, почему Чикаго, малыш. Вернее... сэр.

Это звучало еще хуже. Внутренним взором Круз снова увидел, как Чикита падает, разбивается и меняет его жизнь навсегда.

– Был другой мальчик. Вернее, мужчина. Другой беглец по имени Джимми Макбрайд. На коньках летом катался. Очень плохой человек, хуже некуда. Сейчас сидит в тюрьме за то, что трахнул тринадцатилетнюю школьницу из Оквуда. В Оквуде серьезно относятся к Великому посту – если понимаешь, о чем я. Пить нельзя, шутить нельзя. Секс с несовершеннолетней для них страшнее каннибализма. Святоши. Им неважно, что эта крошка была обдолбанная. Джимми трахнул ее четыре раза на обеденном столе в доме ее же родителей. Мамаша и папаша вернулись к пятому акту. В итоге де-

вочка залетела, черная булочка в духовке, понимаешь, о чем я? Ее мамаша и папаша оказались религиозными фриками. Не представляли, как отмыть драгоценную дочурку от позора, разве что в монастырь отправить после того, как она разродится. У них есть деньги, на их стороне общество, они обладают бóльшим влиянием, чем я. Поэтому бедняга Джимми на какое-то время недоступен. Даже если я сумею его вытащить, он больше не сможет работать в Оквуде. А футбольной команде из местной школы нужен допинг, чтобы победить в этом сезоне. Благодаря этим парням я заработал на ставках пятьдесят штук. Вот купил колымагу, в которой ты сейчас едешь.

Круз затянулся и поморщился.

– И угадай, кто мне позвонил и предложил решение моей проблемы? Угадай.

– Рози. – Рози был гением логистики. Превращал что-то незначительное в одном городе в нечто, очень важное в другом. Он узнал о вакантном месте в организации Баухауса и решил заткнуть его Крузом. В любом случае, здесь он будет полезнее, чем на дне залива.

– Видишь, ты уже согрелся и можешь говорить. Мы с тобой подружимся. Тебе здесь понравится. Меньше давления, по сравнению с работой на наркобарона в большом городе. Меньше кубинцев. Никто не будет тыкать тебе пистолетом в спину из-за того, что какой-то колумбиец слетел с катушек и стал параноиком.

В организации Эмилио Круз был распространителем начального уровня и совершал быстрые сделки на заднем сиденье «мерседеса». Он общался только со вторым или третьим человеком в организации, подчиненным Розы. Сеть Баухауса покрывала пригороды Чикаго. Он лично приехал в аэропорт за Крузом – чудо чудное. Круз еще не понял, было это проявлением гостеприимства или эффектом от личного поручительства Розы.

Район, в котором жил Баухаус, оказался хорошо вылизан. В этой части страны о статусе района судишь по чистоте дорог во время снегопада. Дорога шла серпантинном в гору. Вокруг много деревьев. Вдали – городские огни. «Корвет» въехал в отапливаемый гараж на четыре машины.

Дом Баухауса был хрестоматийным жилищем богача с плохим вкусом. Входная двухстворчатая дверь из резного дуба. Медная ручка, установленная по центру, напоминала деталь средневекового орудия пыток. Круз заметил ящик из красного дерева, который сливался с кирпичной кладкой стены у двери. Внутри замигала пурпурная лампочка – электронный часовой, отбивающий ритм от скуки. Под ящиком располагались металлическая решетка коммутатора и подсвеченная кнопка дверного звонка. Баухаус засопел, выпуская клубы пара, и наклонился, чтобы набрать код.

Сразу за дверью – прихожая вытянутой формы, отделанная зеркалами и большим количеством болезненно-красных драпировок. Дальнюю стену подпирали лакированные ки-

тайские столики, а потолок украшен лепниной, покрытой золотой краской. За одной из дверей оказался шкаф. Из прихожей внутрь дома вели раздвижные двери из толстого дымчатого стекла. Они открылись с гулом и скрежетом после того, как Баухаус набрал код на клавиатуре, спрятанной во втором деревянном ящике.

Круз внимательно изучал потолок прихожей. Поток теплого воздуха обволакивал. Он почувствовал себя влажным и липким. Присмотрелся.

– Камеры?

– Да. – Баухаус стянул толстые перчатки. – Если мне не понравится тот, кто войдет через входную дверь, я смогу задержать его в этом небольшом шлюзе. – Он обвел руками прихожую. – Входная дверь запирается на титановые болты: два вверху, два внизу. Стекланные двери по своим характеристикам больше напоминают камень, чем стекло. Они выдержат выстрел в упор из «магнума» сорок четвертого калибра, с углом входа в сорок пять градусов. Вряд ли второй или третий выстрел придется туда же, куда попал первый. К моменту грубого пробуждения я знаю, как действовать. Мы часто проводим учения на случай чрезвычайной ситуации. И знаем, как избавиться от того, что копы называют «доказательством производства или продажи запрещенных веществ в помещении». Понял?

Баухаусу нравилось произносить речи. Круз задумался, в который раз он повторяет конкретно эту.

– Не забывай, Чикаго – все еще город гангстеров. Многие представители правопорядка на юго-западе ведут себя как ковбои, сечешь? А многие тяжеловесы бизнеса уверены, что мы все еще живем в 1930-е, и они слишком влиятельны, чтобы кто-то мог разубедить их в этом. Поэтому в нашем маленьком городишке все соблюдают правила безопасности – власти и бровью не поведут, если кто-то захочет установить пуленепробиваемое стекло. Голоден?

Желудок Круза был полон кислоты, а утоляющий голод эффект кокаина уже выветрился.

– Неплохо бы перекусить. Но сперва я не отказался бы от стакана содовой и таблетки от изжоги.

Баухаус похлопал его по плечу.

– У нас есть всё, чего пожелаешь.

За стеклянной дверью находилась просторная гостиная, спроектированная в форме буквы L. Внешний угол образовывали окна высотой от пола до потолка. Круз направился в гостиную, представляя себе, как она будет выглядеть после пожара. Густой черный ковер на полу не придавал уверенности шагам в тусклом свете. Комната имела три уровня. Две ступеньки вверх – и ты оказывался в овальной обеденной зоне у окон. Две ступеньки вниз – и ты в лаунж-зоне с мягкой обивкой, встроенными софами, резными столиками и мультимедиасистемой. Лаунж-зону окружали эмалированные перила, а в ее центре находился огромный проекционный телевизор. Она напомнила Крузу большую ванну с джакузи или

небольшой бассейн. Голубое неоновое сияние подсвечивал ступеньки. А красный неон опоясывал всю комнату, по периметру пола и потолка. Сбоку от обеденной зоны, напротив телевизора, располагалась винтовая лестница. Игра света на темных стенах повторяла свет неоновых ламп и образовывала гладкие и текстурированные линии, которые проносились по комнате, как гоночные полосы на машине. В одной из стен был ряд расположенных близко друг к другу дверей, ведущих в другие помещения. И опять нарядные дверные ручки по центру. Пространство между дверьми изъедено фальшивыми дырами, обнажавшими фальшивую кирпичную кладку, освещенную безвкусными бра эпохи Великой депрессии.

Из невидимых колонок доносилась органная музыка, напоминавшая литургию.

Баухаус увлеченно гремел на кухне, пытаясь найти импортное пиво. Кухонная зона была отделена барной стойкой, тоже в форме буквы L, со столешницей из оникса. Вокруг барной стойки располагались высокие табуреты, обитые кожей. Над ней, с каждого конца, свисали две медные керосиновые лампы.

Столешница обеденного стола была сделана из стекла толщиной в пять сантиметров. На ней Круз увидел по меньшей мере двенадцать коробок с китайской едой и две – с пищей. От запаха еды он едва не лишился чувств.

Одна из дверей хлопнулась, и в гостиную вошла женщина. Она приблизилась к столу и начала снимать кусочки пе-

перони с еще дымящейся пищи. Нельзя сказать, что она была полностью раздета. На ней имелось прозрачное одеяние, в котором не было никакого практического смысла. Кроме разве что заднего фона для съемок научно-фантастического фильма. Новый Мир. Свет, проникавший в обеденную зону через высокие окна, окутывал ее силуэт голубым сиянием. Женщина могла похвастаться сочной задницей, сильными ногами и грудями, похожими на два шарика ванильного мороженого с половинками вишенки посередине. Она была не выше метра пятидесяти и, казалось, не замечала Круза. Расположилась у окна и ела пищу, откладывая корочки в сторону. Ее светлые и гладкие, как кусок сыра, волосы длинной ниже пояса были распущены.

Круз представил, как Баухаус занимается с ней сексом. Слово морж насилует воробья.

– Одна из моих личных помощниц, – зачем-то сообщил Баухаус. По его тону было件нятно, что она принадлежит ему. – Тупая как пробка.

Круз знал, как все устроено. В обязанности этой женщины входило исполнять роль игрушки. Хотя Круз сомневался, не слишком ли она молода, чтобы называть ее женщиной. Вряд ли Баухаус показывается на людях с этой нимфеткой. Для таких целей, скорее всего, существует более взрослая ее коллега. В качестве платы за свои услуги они могут вдыхать столько снежка, сколько Санта-Клаус не видел за всю свою жизнь. Никто не заставлял их становиться сексистскими ка-

рикатурами.

Он снова подумал о Чиките.

– Привет, Чари! Накроешь нам здесь, хорошо?

Круз насчитал семь барных табуретов и заметил, что в керосиновых лампах зажегся электрический огонь. Внутренняя сторона барной стойки отделана кожей и черным тиком. Напротив окон располагался огромный очаг, в котором можно было зажарить автомобиль целиком. Скрытые вентиляторы выдували жар из потрескивающих кедровых бревен. Полупрозрачные занавески поддерживали гладкое течение оконного стекла, будто колонны из шелка. Под воздействием жара они гипнотически двигались.

Круз выбрал себе пряные баклажаны и курицу в горчичном соусе, обжигающую словно напалм. Баухаус присоединился к нему и дал бутылку пива. «Ну, как тебе мое ранчо?»

Круз не отрывал глаз от Чари. Он решил не прикидывать стоимость жилища и ответил: «Хорошая система безопасности». Его глаза привыкли к освещению, и он смог разглядеть минимум две камеры, подглядывающие за происходящим в гостиной, а также датчики движения, зеленый свет которых сменялся красным, как только кто-то двигался.

Ожидал ли Баухаус более красноречивых комплиментов? Возможно, он думал, что Круз переигрывает. *Впечатлен ли я? Не-е-е.* Он никак не мог знать, что Круз все еще не в своей тарелке. Физико-химический шок пока не ослаб. После событий этого утра не прошло и суток.

Поэтому Баухаус принялся сам нахваливать свое жилище:

– Да, послушай меня, малыш. Мы можем сидеть здесь, расслабляться и спокойно обсуждать дела. Мы можем наслаждаться великолепным видом в менее снежную погоду. Мы можем пить «Вдову Клико», по сто баксов за бутылку. А Чарри будет отсасывать нам, пока мы считаем деньги. И все это я могу заснять с любой точки в этой комнате.

– Как ты решил проблему плохого освещения?

– Это дело япошек – не мое. Угощайся.

Круз взял палочками кусочек рваной свинины по-сычуаньски и поднес его ко рту.

– Проверяешь помещение на жучки?

– Дважды в неделю.

Баухаус одним глотком выпил половину бутылки и вытер рот тыльной стороной ладони. Его шелковая рубашка даже не пыталась скрыть брюшко. Ремень, с трудом державшийся на талии, украшала большая бронзовая пряжка с боевыми самолетами – сувенир в честь одного из забытых сражений Второй мировой войны. Она напомнила Крузу о тейхасцах.

– Довольно легко прожарить внешние телефонные линии, – продолжал Баухаус. – Правительственные ищайки не могут добраться до проводки внутри стен. Мы улучшаем защиту раньше, чем у хороших парней появляется финансирование на новое оборудование. На два прыжка впереди, всегда. У стекол в этих окнах химически нарушенный показатель преломления. Это значит, что никто снаружи не сможет

сфотографировать нас внутри.

– Как поляризованное стекло.

– Точно. И снаружи виден только серый прямоугольник. – Он проглотил большой жирный кусок креветки гунбао и принялся за овощи вок, не успев пережевать первую порцию. Зелень плавала в чесночной подливке. – У всех возможных входов в пол встроены датчики вибрации. Как только они уловят движение в пустом доме, сразу включаются камеры слежения. А в полутора минутах езды от дома находятся большие, страшные и верные мне вышибалы.

Креветка была хороша, но в ней оказалось слишком много перца. Еда притупила острую, как стальная игла, головную боль. Пора привести себя в порядок.

Баухаус проводил его в просторную ванную комнату возле гостевой спальни. Сюда не доходил неоновый свет. Круз порылся в шкафчиках и запил минералкой «Перье» сто двадцать миллиграммов противоотечного средства, пять таблеток аспирина, две таблетки ибупрофена, четыре таблетки от изжоги и пригоршню витаминов. Затем проглотил дополнительную дозу витамина С и комплекс витаминов В, чтобы активировать его действие. Голова заработает ровно через двадцать минут.

Он стоял под обжигающе горячим душем. Струи массажировали тело. Он с силой тер себя мочалкой и вышел из душа красный как знак «стоп». Таблетки перемешались с газированной водой, и его желудок издал грубый звук. Ногам

было хорошо босиком. Боль в мышцах ушла благодаря аспирину. Он натянул свежее белье и носки. Его гавайская рубашка по-прежнему лежала скомканной на дне сумки Nike. Он решил пока ее не трогать. Плохая примета избавляться от рубашки прямо сейчас. Он с трудом оделся.

Когда Круз вернулся в гостиную, работал проекционный экран. Фредди Крюгер гонялся за подростками, убивая исполнителей эпизодических ролей. Круз принялся за менее острые китайские блюда. Он понимал, что после овощей и витаминов его моча будет светиться в темноте. Еще одна несовершеннолетняя снежная принцесса пришла в себя в одной из спален и присоединилась к ним. У нее были каштановые волосы с челкой и массивные блестящие серьги. И сногсшибательные голубые глаза на пустом кукольном личике. Движения – плавные, как у кошки. Баухаус любил держать в доме молодняк. На ней был короткий махровый халатик, и она не проронила ни слова. По словам Баухауса, ее звали Кристал.

Их всегда звали Кристал. Или Чака, или Сульд, или Лоллабельль, или Стар, или Таня, или Чари. И они всегда плохо кончали – умирали от передозировки, выброшенные, выгоревшие. Или падали с балкона.

Чики снова показала свой трюк в сознании Круза. Шлеп. Круз сел поближе к экрану. Баухаус кормил девушек лапшой. Стручок приклеился к двухдневной щетине на его подбородке. Чари замурлыкала и слизала его языком, сладо-

страстно чавкая. Ее дерзкие маленькие сиськи качались и колыхались при каждом движении натренированного тела.

– Готов выступить? – спросил Баухаус. Он встал и зажег дорожную кубинскую сигару. После нескольких яростных затяжек в воздухе за клубился серый дым.

– Что у тебя?

Баухаус махнул сигарой в сторону бара, где Чари завершала необходимые приготовления. На столешнице из оникса возвышались три аккуратные пирамиды белого порошка. На них падал свет направленных ламп, создавая театральный эффект.

– Роза порекомендовал твой великолепный нос, – сказал Баухаус. – И я бы хотел испытать его в деле. Угощайся.

Кристал захихикала смешком убийцы с топором.

Круз взглянул на кокаин. Он выглядел свежим, только из упаковки. Чари выложила на столешницу два чистых зеркала, несколько бритвенных лезвий, лабораторные шпатели, атомайзеры, ватные тампоны и несколько стеклянных пробирок с крышками из пробкового дерева. Казалось, на барной столешнице все было готово к препарированию вездеходного организма.

– Дверь номер один, дверь номер два, – Баухаус пронумеровал горки, – и *puerto numero tres* ¹⁴.

Девушки рассмеялись и расположились по обе стороны от бара, готовые смотреть представление.

---

¹⁴ *Puerto numero tres* (исп.) – дверь номер три.

Круз сделал глубокий вдох через нос. Обе ноздри были чистыми. Он подтянул табурет и сел на него, лицом к аудитории.

– Ну, расскажи мне, что ты думаешь, – сказал Баухаус.

Он взял щепотку из горки слева и растер ее между подушечками пальцев. Кокаин пылью осел на горке. Он прикоснулся кончиком языка к пальцу.

– В них есть дистиллированная вода? – спросил Круз, показав на пластиковые бутылки.

Баухаус кивнул:

– Еще есть витамин Е, если надо.

– Рано. – Первую горку Круз прокомментировал так: – На первый взгляд, я бы сказал, что его чистота примерно сорок процентов. – С помощью зеркала и бритвенного лезвия он сформировал из тридцати миллиграммов линию длиной ровно пять сантиметров. Подождал, когда ему дадут коктейльную трубочку, и втянул порошок левой ноздрей. Позволил смеси обжечь носовой ход, потом задрал голову и вдохнул еще раз, по очереди зажимая ноздри пальцем.

– Он разбавлен детским слабительным и амфетамином. – Еще одна загадочная добавка притупляла ткани его носовой полости. Не анастатический холодок чистого кокаина, а что-то, больше похожее на психоактивный соленый вкус прокаина или кофеиновый эффект бензокаина. Одной дозы не хватит, чтобы поднять Крузу кровяное давление, но для улицы сойдет. – Чтобы завестись, хватит пять-шесть дорожек.

Продаете это старшекласникам? Супер. Для них нет ничего лучше.

– Детское слабительное для детей, – злобно расхохотался Баухаус. – Верно, детки? – Девицы захихикали в ответ.

Круз прочистил нос с помощью ингалятора. Подождал пару секунд, пока очистятся носовые ходы, и переключил внимание на горку посередине. Вдохнул пробную дозу чистой ноздрей.

– Ой. – Он с удивлением поднял голову. Потом нюхнул снова. Несколько раз. – Ммм, ух ты. Гораздо чище. Восемьдесят два процента, или лучше. – Он взял одну пробирку, открыл пробку и понюхал, чтобы убедиться, что внутри отбеливатель. – Он чистый?

Баухаус выглядел оскорбленным. Круз не доверил бы ему проводить лабораторные анализы. Они еще не настолько хорошо знакомы.

Одним из шпателей Круз положил щепотку из второй горки в пробирку. Порошок задержался на поверхности, затем примерно половина ушла на дно, оставив молочный след. У каждой частички был свой матовый парообразный хвост. Они напомнили Крузу детский игровой набор «Волшебные кристаллы». Несколько крупинок отделились от общей массы и плавали в отбеливателе, как хаотичный взвод сперматозоидов. Это и была примесь. Возможно, псевдококаин. Он осел на дне пробирки быстрее, чем чистый наркотик. Многие уверены, что псевдококаин нельзя выявить с помощью

отбеливателя. Но Круз был профессионалом. Псевдококаин продавался как ладан, благодаря чему обрел почти легендарный статус «легальной» альтернативы кокаину. На самом деле то же дерьмо, что и в первой кучке, но более качественная смесь. С нее лучше торкает.

Некоторые готовы вдыхать чертов ладан.

– За этот можно просить в два или три раза больше, чем за первый образец. – Он снова взял ингалятор и повторил привычную процедуру.

Учитель одобрил. Баухаус кивнул. Он повизгивал как щенок, глядя своих крошек. Одна грудь Чари оголилась, и Баухаус сжал ее так, что большой коричневый сосок вытянулся в сторону Круза. Вторую руку он запустил под халат Кристал.

Круз не обращал внимания на грязную подростковую оргию, происходившую в нескольких метрах от него, и принялся за последнюю горку порошка. Баухаус начал обычную игру: обмани эксперта. Или отвлеки его, если твоя смесь недостаточно искусная.

Кто-то застонал. Начался процесс удовлетворения страсти на автопилоте.

В третьей горке оказалась изобретательная смесь на основе кокаина. Назальный эквивалент алкогольного коктейля. Да, основа из чистого кокаина впечатляла. Здесь он был в пропорции примерно семьдесят к тридцати. Второй ингредиент – демерол или метаквалон. Смесь кокаина и «люда»

была призвана сбалансировать, сгладить резкость эффекта от кокаина и заменить его кайфом иного рода. Все равно что использовать барбитураты для облегчения эффекта амфетаминов.

Круз знал, насколько это действенно.

Он начал входить в роль эксперта и принялся рассуждать, поглаживая подбородок:

– Я бы сказал, первый образец – для продажи в темных переулках. Этот – для постоянных клиентов, если хочешь, чтобы они поверили, будто ты их любишь и предлагаешь им нечто особенное. А образец в центре – по-настоящему уникальный.

Лицо Чари находилось в паху Баухауса. Кристал раскачивалась на табуретке как кошка, наевшаяся валерьянки. Баухаус захлопал в ладоши.

– Хороший мальчик. Молодец. Очень хорошо. Розы можно доверять.

Между ними на барной стойке – товара на двадцать штук. И только дамы были зачарованы его священным белым светом.

Баухаус широко зевнул, почти не обращая внимания на насосные работы под его пружкой с самолетами.

– Просто великолепно. Продано! Слушай: сегодня остаешься здесь. *Mi casa es su casa*¹⁵, понял? *Manana*¹⁶ я устрою

---

¹⁵ *Mi casa es su casa* (исп.) – «Мой дом – это твой дом».

¹⁶ *Manana* (исп.) – завтра.

тебе тур по местным достопримечательностям. Хочешь одну из них? – Он подразумевал Чари или Кристал.

Круз скорчил мрачную гримасу. Только одна женщина в последнее время занимала все его мысли.

– Я хочу как следует нажраться. Думаешь, меня от этого в сон клонит? – Он показал на три горки на столе.

На мгновение показалось, что у Кристал на уровне талии находится шарнир. Она алчно опустила лицо в центральную горку, разметав ее по сторонам, поднимая клубы кокаиновой пыли, издавая хрюкающие и сопящие звуки, словно ей не хватало воздуха. Когда она наконец подняла голову, ее лицо напоминало грим театра кабуки.

Баухаус поплелся в дальний конец жилища, ведя Чари за собой. Обошлись без вежливого «спокойной ночи». Кристал вырубилась на кухонном полу и захрапела.

День Круза начался с вечеринки за полторы тысячи километров отсюда. Он ненавидел обдолбанных наркоманов там и ненавидел их здесь. День завершился другой, более интимной вечеринкой. Адский способ зарабатывать себе на жизнь. Рози знал, насколько хорош нос Круза, как у винного сомелье. Он понимал, что будет большой ошибкой уничтожить талант в порыве гнева. Вскоре у Эмилио появятся новые Чикиты. А такие носы, как у Круза, – на вес золота. Сколько их еще можно найти?

Круз надеялся, что Рози дергает за нужные ниточки. Вот бы свалить отсюда поскорее...

Он попробовал еще немного поесть, но кокаин убил аппетит – побочный эффект от работы. Все же он запихнул в себя еще несколько ложек еды, зная, что она пойдет на пользу в будущем.

Затем подошел к дымчатому стеклу окна, долго и задумчиво смотрел на Чикаго. Дьявольский снег клубился вихрем, не прекращаясь ни на минуту. Вдали, словно огонь через толщу льда, сияли городские огни. Зрелище казалось волшебным и романтическим. Но Круз понимал, что это просто наркотики ударили ему в голову.

Шесть

Миссис Элви Рохас казалось, что этой ночью в ее квартиру вселился злой дух. Или она просто выжила из ума. Но кто в этом себе признаётся?

Элви была коренастой женщиной, с бочкообразной фигурой и толстыми икрами. Последние двадцать лет она семенила по жизни пингвиньей походкой, но всякий раз, когда ей приходилось идти пешком, она делала это уверенно и с достоинством. Не вечно спотыкающаяся старушка, в недоумении смотрящая на мир. Ее крепкие, вечно согнутые в коленях ноги перенесли вместе с ней все жизненные тяготы. Много лет назад, в военные годы, она была выше почти на тридцать сантиметров и даже, можно сказать, стройная для того времени. С темными волосами и глазами цвета кофе. В общем, она была привлекательной девушкой и обращала на себя внимание. Даже слишком много внимания – для девушки в Испании времен Франко.

Элви отметила свой девятнадцатый и двадцать первый дни рождения, будучи глубоко беременной.

После рождения двух первых детей ее тазовые кости больше никогда не смыкались, словно внутри произошел сдвиг тектонических плит. Вслед за Эмилио и Кристиной на свет появились еще трое детей. Ее первый муж, Эстебан Маурисио, пал жертвой в конце войны, и его место занял амери-

канский сержант Брайс Кэннон Уелч. С Брайсом она испытала первый настоящий оргазм. Он перевез ее в Америку, легально. Как раз к началу маккартистской охоты на ведьм. Однажды старый армейский приятель Брайса решил, что его интерес к сравнительной социологии вызывал определенные подозрения. Как оказалось, военные заслуги Брайса (две медали военно-воздушных сил, два «Пурпурных сердца») значили для следователей меньше, чем его новая роль коммуниста. И он навсегда затаил обиду. Преданный собственной страной, Брайс спился ко времени избрания Кеннеди.

Элви выстояла и вышла замуж в третий раз.

Карл Рохас держал бакалейную лавку. Больше тридцати последних лет жизни никто не называл его Карлосом. Лейкемия забрала его десять лет назад. Старший сын от Брайса, Робби, стал отцом двоих детей и погиб при взрыве на химическом заводе. Его последняя жена и дети получили хорошую компенсацию, по словам адвокатов. Джеймс, названный в честь отца Брайса, подорвался на «прыгающей Бетти»¹⁷ во Вьетнаме. Одна его половина умерла в джунглях, вторая цеплялась за жизнь на протяжении тридцати часов в полевом госпитале. Элви понятия не имела, что стало с ее средней дочерью – Лорис. Как и у матери, у нее было много мужей.

Элви помнила мельчайшие детали своей жизни, насколь-

---

¹⁷ «Прыгающая Бетти» – прозвище противопехотной выпрыгивающей осколочной мины кругового действия.

ко требовалось для поддержания цивилизованной беседы. Она ясно мыслила. У нее не было ни новообразований, ни инсульта. До шестидесяти двух лет она не носила очки. Питание радовало разнообразием, и она сама себе готовила. Знакомство с Карлом Рохасом обернулось неожиданной удачей и позволило ей иметь на своем столе здоровую пищу.

Первым признаком присутствия нечистого стало то, что Элви не смогла открыть окно в комнате. Вместо того, чтобы жаловаться и причитать, она решила успокоиться и оценить свое состояние... желая убедиться, что дело не в ней, прежде чем обвинять других людей или соответствующие службы.

Окна в здании представляли собой массивные раздвижные конструкции, закрывавшиеся на поворотные задвижки. Когда Элви переехала в эту квартиру, она обнаружила, что рамы верхних окон слишком густо покрашены и их невозможно сдвинуть с места. Нижние рамы распухали или усыхали, в зависимости от температуры за окном. Конечно, была зима. Но она приготовила запеканку из индейки, и воздух в квартире стал тяжелым. Требовалось срочное проветривание. Снег творит настоящие чудеса с воздухом! Он его очищает. Поэтому часто становится черным как смоль, долетая до земли.

Уф, и ничего. Окно не поддавалось. Элви достала небольшую монтировку – один из тех инструментов, которые эволюционируют за годы нахождения в одной квартире. Тогда же она заметила, что небольшое углубление в доске подокон-

ника – точка опоры для импровизированного рычажного механизма, образовавшаяся за долгие годы, – куда-то исчезло.

Элви издала тихий вопрошающий звук и ощупала подоконник пальцами. Она больше не красила ногти цветным лаком – только бесцветным, чтобы защитить их от расслаивания.

Ничего.

Словно подоконник залатали, зашкурили и безупречно покрасили. Она провела пальцем выше. Оконная рама составляла с подоконником единое целое.

Невнимательный человек подумал бы, что дело в небрежной покраске, во время которой замазали бороздку между рамой и подоконником. Но все выглядело слишком безупречно. Каждая деталь оконного переплета была на месте, но он стал монолитным. Элви знала, что такие оконные переплеты больше не производят. Теперь реклама нахваливала раздвижные окна в алюминиевых рамах. Сборные окна, у которых ни молдингов, ни проработки деталей, ни гордости. Только механическая штамповка. Совершенство в бесконечном повторении. Она задумалась о том, сколько ремесленники зарабатывают сегодня.

Элви встала на цыпочки и осмотрела раму верхнего окна. Медная задвижка свободно двигалась, упираясь в толстую липкую массу дешевой краски, в которой утопали все детали внутренней отделки этого здания. Совершенно никакой гордости. Она терпеливо соскребла эту гадость, чтобы задвижка

выполняла свою функцию. Но сейчас у окна не было отдельных секций, которые можно было бы открыть или закрыть. Забитый песком зазор, разделяющий нижнюю и верхнюю части, исчез. Иногда Элви приходилось затыкать его газетой, чтобы сквозняк не проникал в комнату. Теперь данная проблема была решена.

Открыть окно стало так же нереально, как раздвинуть стены ее крошечной квартиры, чтобы увеличить площадь.

Она внимательно изучила каждый миллиметр оконного переплета. Даже слой пыли, который лежал толстым слоем, подражая снегу за окном. И упрекнула себя за то, что редко вытирает пыль.

Потерпев поражение, Элви вернулась в кресло-качалку. Ее руки нащупали четки с висящим на них распятием. Спустя время она съела еще одну порцию запеканки, которая при комнатной температуре стала еще вкуснее. Она положила почти в два раза меньше специй, и это не отразилось на вкусе. Наконец, она включила телевизор и перестала замечать происходящее вокруг.

В ее части здания стало несоизмеримо тише с тех пор, как молодой бандюган, живший над ней, съехал. Элви была слишком терпелива. Она верила в статус-кво и предпочитала не вмешиваться, если ее не провоцировали. Не обращала внимания даже на шум по выходным. Многие жильцы были молодыми людьми, а выходные – время молодых. Она видела жильца сверху максимум два раза и никогда не загова-

ривала с ним. Таких, как он, в наше время называют панками. Но для Элви это слово имело абсолютно другую коннотацию. Джимми Кэгни ¹⁸ в «Белой горячке» ¹⁹ был панком. И Ричард Уидмарк ²⁰ в «Поцелуе смерти» ²¹. Брайс любил остросюжетное кино и объяснил ей, что к чему. Во времена, когда федеральные громилы копались в семейных связях и хобби Брайса – тот женился на иностранке, в конце концов, – он рассказал ей, что и Марлон Брандо, и любой сопливый пацан, который подражает его герою в фильме «Дикарь» ²², – самый настоящий панк.

Современные панки были почти детьми, но выглядели как штурмовики из причудливой армии пришельцев со своими мудреными костюмами, снабженными смертоносными деталями. Их печальные глаза отдавали металлическим блеском. Парень сверху казался Элви нахальным, грубым и шумным. Возможно, его пугало человеческое общение. Какой же из него панк?

---

¹⁸ Джеймс Кэгни (1899–1986) – американский актер театра и кино. Занимает восьмое место в списке «50 величайших американских актеров всех времен» по версии Американского института киноискусства.

¹⁹ «Белая горячка» – гангстерская драма Рауля Уолша 1949 года.

²⁰ Ричард Уидмарк (1914–2008) – американский актер театра, кино и телевидения. Был номинирован на премию «Оскар» за роль в фильме «Поцелуй смерти».

²¹ «Поцелуй смерти» – фильм-нуар режиссёра Генри Хэтэуэя, вышедший на экраны в 1947 году.

²² «Дикарь» (США, 1953) – культовый фильм режиссёра Ласло Бенедeka с Марлоном Брандо в главной роли.

Обычно он возвращался домой около четырех утра и будил Элви громким топотом. Но она утешала себя тем, что все равно примерно в это время встает и идет в туалет. Иногда сверху доносились звуки разговора – слишком громкие, возможно, под воздействием наркотиков. Но она не могла разобрать ни слова. Ее слух был идеальным, однако знание сленга ограничивалось прошедшей эпохой. Элви хорошо слышала. Ее очки были довольно слабыми. А волосы даже сейчас – цвета стали, не снега. И ногтям хватало кальция.

Иногда румба наверху раскачивала пыльную люстру на потолке. Она догадывалась, что сосед занимается сексом и улыбалась самой себе, слыша страстные стоны. Любовь к долгому страстному сексу, которую ей привил Брайс, навсегда осталась в ее сердце. Поэтому, когда наверху совокуплялись люди, она испытывала легкую боль ностальгии.

В последнее время предрассветная возня прекратилась. Элви сразу замечала малейшие изменения в привычной рутине. Возможно, мир не знал о ее существовании, но она находила утешение в своей тихой и безобидной жизни. Чувствовала себя спокойно, зная, что никому не сделала ничего плохого. Теперь казалось, что ее тихое страдание принесло плоды. Шум и вопли наверху прекратились сами собой.

Парень, который считал себя панком, переехал. Из таких зданий всегда переезжают.

Но это не касается таких, как я, подумала Элви. В ее обязанности входило следить за тем, чтобы хоть что-то в этом

здании оставалось неизменным, и ей это нравилось. Будучи старейшим жильцом, она пережила всех, кто въезжал в здание, а потом переезжал, затухая как пламя спички в безлунную ночь. Словно якорь, она уравнивала процент постоянных жильцов против временных. Миру была нужна Элви Рохас – и такие люди, как она. Даже если по отдельности их никто не замечает, они необходимы как гравитация, как воздух. На ее взгляд, она прекрасно справлялась со своими обязанностями.

Проблема в виде шумного подростка решена. Теперь Элви беспокоила проблема, связанная с окном, она не давала спокойно смотреть телевизор. Во время рекламных пауз раздражение притягивало ее к подоконнику словно магнит. Оба окна, ее глаза, смотрящие на окружающий мир, претерпели идентичные изменения, не поддающиеся логическому объяснению. Она осмотрела места соединения подоконника, оконной створки и рамы через лупу. Оконный переплет был монолитен. Каждая деталь плавно перетекала одна в другую, будто ее упорядоченная жизнь.

Возможно, это кара небесная.

Единственными возмутителями спокойствия на монолитном стыке были нежные, любопытные пальцы Элви. Сколько себя помнила, она всегда совершенствовала собственную жизнь. Словно плотник – шлифовала, срезала лишнее, покрывала лаком. Теперь, когда жизнь подошла к концу, работать над ней не требовалось. Осталось существовать. Жизнь

кончилась, но гордость осталась. Удовольствие от тонкой работы. Огромное полотно, написанное с неимоверным трудом куцей кистью и спрятанное в тускло освещенный угол мрачного здания. Здесь его некому увидеть и оценить. Три мужа, думала она. Пять детей, рожденных в поту и муках. Они обложили данью нижнюю область ее женственности, пока та не разверзлась, чтобы породить новую жизнь. Элви почувствовала фантомные боли в своем покинутом чреве. Боль при рождении ребенка всегда обратно пропорциональна удовольствию, которое получаешь при его зачатии. Рождение детей едва не привело ее к смерти. Часы Джеймса и Робби начали обратный отсчет с их первым вдохом. Элви даже не знала, где сейчас остальные дети. Она пережила трех мужей, да, но без усилий. Она не хотела их пережить. Просто так получилось. У нее ничего не осталось, кроме этой квартиры. Поэтому было важно, чтобы каждая деталь оставалась на своем месте. Возможно, забвение – ее удел. У престарелых женщин со скромным доходом нет особого выбора.

Еще престарелые женщины любят жаловаться, отчитывала Элви себя. Как все старики. Она предпочла не заметить исчезновение несносного соседа сверху. Зачем беспокоиться о подоконнике? Не обращай внимания – и все станет как надо с восходом солнца.

Панк сверху, наверное, переехал к своей куколке, квартира которой больше подходит для любовных утех. Кому понравится, что соседи слышат каждый ваш оргазм? Удовле-

творение страсти должно оставаться интимным. Она заметила отсутствие парня как часы, которые заметили, что перестали тикать. Все дело в подружке. Другая спальня, где некому подслушивать. Прекрасные любовные ласки – энергичные, влажные, утомительные. Очищение потом. Благословение жара, движения, контакта...

А ну-ка прекрати! Улыбка смяла ее лицо, смягчив обветренный вид. Она была слишком стара, чтобы хихикать в открытую.

Хорошо. Вернемся к окну.

На прошлой неделе ей удалось приоткрыть его наполовину с помощью рычага. То есть оно не всегда было закрашено наглухо. Но теперь не было зазоров, неровностей и никаких доказательств, что это или верхнее окно когда-либо открывалось хотя бы на миллиметр.

В этом здании среди ночи всегда творилось что-то неладное.

Может, изменилось ее сознание, а не окно. Может, у нее всегда было что-то не так с головой, просто она этого не замечала. От одной мысли об этом Элви почувствовала укол страха в своем сытом желудке. Но словосочетание «старческое слабоумие»...

К черту его.

И к черту здание – за то, что оно так жестоко пытается ее одурачить. И к черту самого Господа Бога – если он собирается так издеваться над старушкой.

Ветер на улице отступил, будто океанская волна, а потом ударил здание в борт, засыпав ледяной крошкой. Элви представила себе, что удар ветра оставил вмятину, проломив окно на уровне ее носа. Она достала носовой платок с кружевной оторочкой и вышитой монограммой, принадлежавший ей почти двадцать пять лет и имевший никотиновый оттенок состарившейся ткани. С его помощью протерла круглый глазок на запотевшем стекле. За ним лежала тьма.

Элви прижалась к стеклу. Оправа очков стукнулась о его поверхность. Стекло отозвалось привычным звуком. В импровизированный глазок Элви видела лишь тьму, а не то, что ожидала увидеть: уличные фонари, сугробы; погребенные под снегом автомобили; сторбленные фигуры, выгуливающие питомцев, или замерзшие копролиты, оставленные этими животными и похожие на черные знаки препинания, рассыпанные по огромной белой странице. Она не видела зданий через дорогу, нацепивших фальшивые бороды из снега и бакенбарды из сосулек. Могла разглядеть лишь тьму. Глазок быстро сдался температуре, и оконное стекло снова замерзло, будто человеческий глаз, у которого за секунду развилась катаракта. Этой ночью на улице было очень холодно.

Любопытный палец Элви пытался найти ответы на поверхности стекла. Конечно, она могла бы разбить его в панике и к утру замерзнуть насмерть. Могла бы потерять поддержку и вызвать по телефону управляющего зданием. Если получится. Он – иностранец, его имя Элви никак не мог-

ла запомнить. Конечно, он будет счастлив отреагировать на докучливые жалобы престарелой женщины в столь поздний час.

Или: она может разгадать эти странные знамения по-своему, для собственного удовлетворения.

Стекло второго окна отреагировало точно так же. Словно оба окна снаружи кто-то затянул непроницаемой черной бумагой. Когда она вытерла изморозь, смогла увидеть только свое отражение. Впадины глаз за окошками бифокальных очков. У Элви Рохас сохранились свои зубы. Она могла разглядеть форму собственного черепа в отражении.

На другом конце комнаты телевизионный фильм сменился выпуском одиннадцатичасовых новостей. В воздухе витал аромат остатков запеканки с индейкой. В комнате было тепло от парового отопления. А за окнами – пустота. И они не открывались.

Элви устала стоять у окна. Ее распорядок дня нарушен: она уже должна быть в постели. Так как панк больше не придет в четыре утра – может и не проснуться вовремя, чтобы сходить в туалет.

Элви вздохнула, издав звук, похожий на паровой воздухонагреватель. Большие перемены могут быть неважны, а микроскопические изменения в состоянии нарушить размеренное течение ее жизни. Жизнь – большая тайна. Католики предпочитали все считать тайной. Вера не поддавалась соблазну искать ответы на вопросы. Это отклонение от нормы

произошло прямо у нее на глазах. Оно отвлекало и сводило с ума, но она не могла ничего с ним поделать. Оставалось дожидаться следующего дня, когда утренний свет развеет тайны. Даже если квартира играет с ней шутки, сама Элви в своем уме. Ее сознание крепко.

Она выключила свой старый ламповый телевизор и пошла готовиться ко сну.

К тому моменту, когда ее голова коснулась подушки, дверь в квартиру исчезла. Дверной проем был на месте, как и дверная ручка. Однако между дверью и косяком не осталось ни зазора, ни щели. Но с кровати, особенно без очков, Элви не могла это заметить.

Паркетные доски срослись, превратившись в гладкую монолитную поверхность. Трещины на восточной стене заросли.

Окна за старыми занавесками окончательно исчезли, оставив вместо себя черные прямоугольники, плотнее свинцовых панелей.

Паровой радиатор зашипел и выключился. Он никогда не производил достаточного количества тепла. Комната погрузилась в кромешную тьму.

Элви, все еще в своем уме, расходовала оставшийся кислород в ставшей герметичной комнате, мирно посапывая во сне.

Семь

Джонатан сочинил рецензию на собственную жизнь.

Неплохая, хоть и банальная постановка проходной пьесы, написанной уже забытым драматургом, который не мог похвастаться популярностью при жизни. Сценография выглядит многообещающе – несмотря на то, что выполнена непрофессионалом. Драмы хватает... но она не удовлетворяет. Героям невозможно сопереживать. Пьеса слишком пресная и могла с таким же успехом играть в театре без зрителей. Автор предпочел не рисковать – в этом его ошибка. В наше время поднимать рискованные темы обязательно. Две звезды.

Ты играешь главную роль в пьесе своей жизни, давным-давно сказала ему мать. Но что, если моя жизнь – это пьеса, которая никому не интересна?

Ну и что? Удиви меня, малыш.

На полке, примерно на уровне глаз, стоял заводной скелет птеродактиля – один из приветственных подарков Баша. Джонатан сидел за столом и состригал кутикулу офисным ножом. Он успел дважды порезаться до крови. Выронил нож из рук, и тот покатился на край чертежного стола. Наклонная столешница из непрозрачного пластика подсвечивалась снизу. К столу были прикреплены две длинные полоски гранок с рукописными пометками и исправлениями, внесенными

Джонатаном. Он повернул ручку завода на доисторической птице и поставил ее на стол. Резиновые колесики скользили по пластиковой поверхности. Одно скелетированное крыло медленно хлопало, второе безжизненно свисало. Шпонка, которая им управляла, зацепилась за ребро. Джонатан снял крыло и подточил шпонку офисным ножом, но прогноз выглядел неутешительно. Он подумал об останках птеродактиля и о призрачных динозаврах, оттаявших после ледника и пытающихся преодолеть обледенелый склон. Бесплезно.

Баш обладал безупречным вкусом в том, что касается игрушек. В его коллекции были только лучшие. Некоторые из них сохранились с детских лет – робот Коммандо в комплекте почти со всеми снарядами, дипломат Джеймса Бонда (не хватает только взрывающейся шифровальной книги), набор роботов-боксеров и полный комплект первого выпуска фигурок «Рэт Финк»²³ из автомата. Но больше всего в коллекции Баша Джонатану нравился снежный шар, наполненный водой. Если его потрясти, внутри начиналась снежная буря. Там помещалось миниатюрное кладбище. Крошечные серые надгробия возвышались на пластиковом холмике, обнесенном полусгнившей оградой. Если взглянуть на шар сверху, то можно увидеть, что могилы раскопаны и в каждой из них лежит маленький скелетик с кристалликами в глазницах. Погребальные одежды обтягивали их кости словно костюмы

---

²³ *Рэт Финк* – мышь-байкер, придуманная американским художником Эдом Ротом в качестве антагониста Микки-Мауса.

мертвых пиратов. Уютно устроившиеся в могилках, они являли собой микроскопический некрополь. Оседа на могилах, снег скрывал их обитателей.

У Баша все еще был Магический шар. Если его перевернуть, в окошке на дне появится таинственный ответ. Неизвестно. Прогноз благоприятный. Когда-то такой же был у Джонатана. Он задавал ему самые важные вопросы о жизни и чаще всего получал в ответ ненавистное: «Задайте этот же вопрос позже». Башу очень быстро наскучил дешевый фокус-покус. Слишком умеренный, слишком банальный. В чертежной комнате компании «Рapid O'Графикс» он разработал и собрал собственный тетраэдр с ответами. Воспользовавшись инструментами в мастерской и своими талантами, Баш без труда разобрал Магический шар, вставил в него изобретение, наполнил стеклянный шар водой и заново собрал сферу. После того как Баш поработал над ним, шар стал лучше нового. И вот Джонатан переехал в Чикаго и взял с полки Магический шар Баша, в полном неведении и опасаясь снова прочесть: «Задайте этот же вопрос позже».

Баш вышел в туалет. Джонатан спросил вполголоса, помирится ли он с Амандой. В окошке всплыл ответ.

Пошел на хуй, мудака.

Баш вошел в комнату и стал наблюдать за восхождением птеродактиля-калеки. Он был безнадежен и постоянно соскальзывал.

– Йо, бро, как дела? – Большие руки сжали плечи Джо-

натана. Ему нравился этот собственнический жест. Словно Баш усыновил его.

Он махнул офисным ножом в сторону стопки скопированных листов.

– Это готово. Решил передохнуть. Закончу минут через пять, максимум – через десять.

– Не торопись. Уже почти все ушли. Рабочий день скоро закончится. Хочешь посплетничать?

Глаза Джонатана с надеждой смотрели на заводного робота. Затем на копию, над которой он сейчас работал. Но не на Баша. Он взял себя в руки. Сейчас всплывет неверный ответ.

– Давай.

– Капра говорит Угольку: «Знаешь, Уголек, я так давно нянчил сирых и убогих, что мне физически больно осознавать, что кто-то в состоянии быстро и хорошо выполнять свою работу». Он держит в руках макет рекламы и говорит: «Мне больно». Уголек смотрит на него и заверяет: «Мы постараемся не причинять вам боль, мой господин». А Капра приходит в ужас и отвечает: «Вы лучше постарайтесь выпускать такие же макеты, чтобы мне было больно на регулярной основе. В противном случае, угадай, кто получит прибавку к жалованию вместо тебя в следующем квартале?» И они оба рассмеялись. Но Угольку было совсем не весело. А Капра точно не шутил. И угадай, про чью работу они говорили. Ну же, угадай.

– Конечно, о твоей. – Джонатан развернулся на стуле и

встретился глазами с Башем. – Ты же великий кудесник верстки.

– Не-а. Вторая попытка. – Баш прямо сиял. Он был похож на довольного папу-медведя.

Джонатан побледнел. Ему было сложно в это поверить:

– Серьезно?

– Серьезнее, чем сердечный приступ, друг мой. Босс под впечатлением. Эта реклама для журнала Крюгера. Крюгер в восторге. Он позвонил Капре. Мне продолжать или сам догадаешься?

– И он сказал, радостно смешивая метафоры. – Большинство шуток Джонатана были понятны только ему. – Боже, ты не шутишь. Он сказал... что? – Огонек гордости вспыхнул у него в груди. Конечно, он хотел их впечатлить. Но он старался сделать это ненавязчиво. Не надо забывать о скромности. Главное – не злорадствовать. – А как же Уголек? Он не расстроится? Не будет метать на меня недовольные взгляды?

– Не. Ему пофиг. Его синекура в «Рапид О'Графикс» не подвергается сомнению. Он заработал свою должность потом и кровью. Просто новая кровь часто расшевеливает улей, и «старички» понимают, что им лучше поднапрячься. Это идет на пользу бизнесу. Последний раз такое было, когда на работу приняли вашего покорного слугу. И никто не расстроился из-за моего искрометного присутствия. Я же говорил, ты вступишь в коллектив.

Штаб-квартира «Рapid О'Графикс» находилась в пятикомнатном доме на Саффрон Уэй, через два квартала от северо-восточного угла Оквуда, и граничила с Рассет Ран на севере и Элмвуд-парком на востоке. Капра обустроил крытую парковку для сотрудников на заднем дворе. Сильный снегопад обрушил крышу, которая погребла под собой БМВ Капры, а остальным пришлось искать парковку на Саффрон Уэй, сражаясь с безжалостной белой жижой и непредсказуемым графиком уборки снега. Первым заданием Джонатана в качестве новенького стала расчистка парковочных мест на улице. Баш только пожал плечами. Это был величайший жизненный урок во всей его отвратительности.

Капра жил в собственном доме по соседству. Просто не повезло, что БМВ в день обрушения не был припаркован на подъездной дорожке, окаймленной деревьями. Здание «Рapid О'Графикс» не выделялось на фоне жилой улицы. Ему нравилось сливаться с остальными домами.

На первом этаже находилась кухня, где каждый сотрудник мог приготовить себе любимый напиток. Там имелась профессиональная кофемашина с тремя емкостями: для обычного кофе, для кофе без кофеина и для кипятка, чтобы заваривать один из двадцати видов чая. Кроме того, на кухне стоял холодильник, забитый прохладительными напит-

ками и парой бутылок игристого вина, на случай чьего-нибудь дня рождения или просто расслабона после работы. Там же находился огромный морозильник с низкокалорийными блюдами, пиццами и закусками, которые можно разогреть в микроволновке. Никто в «Рапид О’Графикс» не выходил на обед. Еда в дешевых столовых в пределах пешей доступности была просто отвратительная. И кто в здравом уме выйдет в этот белый кошмар?

На втором этаже в трех комнатах располагались длинные чертежные столы, папки с документами и коробки с канцелярскими принадлежностями на металлических стеллажах. Внизу находилась проявочная, куда вела черная вращающаяся дверь, а также помещение для верстки и фоторедуктор. Капра освобождал место для огромной копировальной машины, которую ему удалось получить почти даром. Гостиная была переоборудована в комнату для совещаний с удобными диванами и зону отдыха. В подсобном помещении, ранее служившем кладовкой для садовых инструментов, установили станок для офсетной печати. Предварительно Капра поставил там обогреватели.

Все стены в доме покрывали бумаги. Когда Джонатан впервые здесь очутился, ему показалось, что он попал на безумную вечеринку фанатов поделок из бумаги. К стенам было прикреплено степлером, приклеено скотчем или сделано любым другим возможным способом столько бумаги, сколько хватило бы для тиража телефонного справочни-

ка Чикаго, Белых и Желтых страниц. Вырезки, картонки, макеты, гранки, полосы, отрывки. Фото пленки и фотографии. Карты. Граффити. Постеры и рекламные плакаты. Памятки и меню, продырявленные кнопками, булавками, коктейльными шпажками, даже дроботиками для игры в дартс. И чем ближе к кабинету Капры, тем больше рамок на стенах: всевозможные награды, благодарности, сертификаты. Можно было часами читать информацию на стенах.

Джонатану нравилась атмосфера офиса. Капре удалось создать островок здравого смысла в море корпоративного мусора. Клевый, уютный, нонконформистский, Капра был продуктом шестидесятых, чей взгляд устремлен в девяностые.

Угол Джонатана располагался рядом с бесполезным кондиционером, загораживающим окно второго этажа. Сразу после того, как он обустроился и разложил необходимые инструменты, почувствовал, что здесь, у Капры, найдет свое место. Высота рабочего табурета была отрегулирована под его рост. Рабочая поверхность наклонена под нужным углом. Баш подарил ему кружку с цветной карикатурой от Гэри Ларсона ²⁴, изображающей дымящих сигаретами динозавров. Джонатан поставил ее на полку, которую соорудил рядом с кондиционером. Там же примостился птеродактиль-калека. А решетку кондиционера заклеил скотчем, что-

---

²⁴ Гэри Ларсон (род. 1950) – американский карикатурист, музыкант и защитник окружающей среды.

бы холодный воздух не попадал внутрь. Придя в офис в свой третий рабочий день, он обнаружил, что кто-то поставил на кондиционер голубого пластмассового бронтозавра с прикрепленной к нему запиской: «Привет, Малыш Дино!»

Это была проделка Джессики, которая работала в провочной внизу. У нее было пышное облако кудрявых черных волос, безупречная кожа цвета шоколада и симметричные черты лица, в которых Джонатану виделось что-то восточное. Она всегда приходила на работу на каблуках и быстро взяла в привычку обнимать Джонатана в качестве приветствия или похлопывать его по плечу, проходя мимо. По словам Баша, на свой сороковой день рождения Джессика получила документы о разводе и с тех пор не переставала улыбаться.

После того случая Джонатан притягивал динозавров как магнит. Стены в его углу получили соответствующее убранство за считанные дни. К нему приклеилась кличка Малыш Дино. К сожалению. И он не раз ловил себя на мысли, что, если бы мог, заснул бы прямо за своим чертежным столом.

На то были свои причины.

Первую ночь в Чикаго Джонатан провел на диване в гостиной Баша. В семь утра на следующее утро он сквозь сон слышал, как сначала Камела, потом Баш пришли в сознание, приняв душ. Затем раздалось жужжание ее и его фенов. После косметического ритуала, длившегося полчаса, Камела вошла в гостиную, широко улыбнулась и попросила называть

ее Камми – как все. Пришлось натягивать штаны при ней. Она не отставала, пока он ел чуть подгоревшую яичницу из двух яиц. Камела сообщила, что она просто без ума от ароматизированного растворимого кофе. Джонатан уговорил Баша приготовить ему эспрессо на завтрак. Он не хотел обижать Камми, поэтому не сказал, что по утрам еда для него так же отвратительна, как и мытье головы под душем. Джонатан ненавидел принимать душ утром и обычно делал это перед сном, что позволяло реже менять постель. Если есть с кем разделить кровать, нет ничего лучше, чем прижаться к партнеру чистым телом, еще излучающим тепло после душа. Зачастую из-за этого простыня может стать мокрой от пота и скомканной.

Пока никаких проблем. Просто процесс адаптации. Настоящий кофе Джонатан мог выпить в офисе. Если знаешь, что на работе ждет живительный эликсир, вставать по утрам легче. Принимать душ можно поздно вечером, когда Камела уже спит. Он старался не шуметь. И с удивлением обнаружил, что его приятель Баш был фанатом сухих завтраков. Утро не утро без пары мисок кукурузных хлопьев.

На работу они ездили вместе.

Камела была связующим звеном между «Рапид О’Графикс» и окружающим миром и владычицей коммутатора. Она выгоняла посторонних, приветствовала посетителей, вежливо разговаривала по телефону, следила за папками с документами и старалась не позволять организационным ме-

лочам докучать Капре. Выполняла поручения и выписывала зарплату. Была мишенью для осторожных шуток со стороны сотрудников, работавших на втором этаже. Джонатан чувствовал некую враждебность, которая не исчезает, не становится чем-то бóльшим и не приводит к каким-либо действиям. Камела была самой официозной среди сотрудников Капры.

Она, Баш и Джонатан возвращались с работы вместе.

Он был не против дружеского стеба и старался играть роль хорошего компаньона.

На четвертый день уже не было яиц на завтрак. Ведь она слишком занята, и он все понимает, так?

На шестой день Камела стала раньше ложиться. Иногда просила Баша поухаживать за ней. Джонатану она напоминала изнеженную госпожу, призывающую к себе раба щелчком пальцев. Когда это произошло второй раз, Баш вышел из спальни и пожал плечами, словно желая показать, что и сам понятия не имеет, в чем дело. Затем он включил потолочный вентилятор под предлогом, что тот эффективнее распределяет теплый воздух. Но Джонатан понял: вентилятор должен заглушить звуки, доносящиеся из спальни. Они жили в относительно новом здании, поэтому стены были ни к черту. Когда ее трахали, Камела пыхтела словно паровозик, который смог. Она была одной из тех романтичных особ, которые смотрели слишком много мыльных опер и слишком мало порно и думали, что на каждое действие мужчины надо

реагировать стоном... будто так лучше запомнится.

Джонатан мог расслабиться, только когда Камела шла спать. Они сидели с Башем допоздна, слушали его коллекцию компакт-дисков и пили пиво «Тихоня». После третьей недели стало понятно, что идет сражение за внимание Баша и его свободное время, и Джонатан побеждает.

– Она хочет от тебя детей, – сказал Джонатан. Пиво «Тихоня» имело приятное ореховое послевкусие. И было достаточно легким, чтобы не запьянеть после нескольких бутылок. Из колонок доносилась слишком хорошо спродюсированная песня «The Killing Love».

Баш покачал головой:

– От одной мысли об этом хочется обратиться к господину Вазектомии. Но я знаю, если сделаю это, она решит усыновить детей. У нее есть план на тридцать лет вперед.

– Она с тобой советовалась?

Баш скорчил гримасу:

– А ты как думаешь?

Джонатан сделал большой глоток пива. Потом прочистил горло:

– Думаю, Камела давным-давно включила автопилот. И никто не объяснил ей, что к чему, когда она начала строить планы. Сейчас этих планов накопилось так много, что они скоро обрушатся и раздавят одного из вас или обоих.

– Ммм. – Разговорчивая сторона Баша куда-то делась. Он покопался в полиэтиленовом мешке и достал печенье с пред-

сказанием, разломал и съел. Безразлично взглянул на бумажку с предсказанием и выкинул ее в пепельницу на кофейном столике. В пепельнице, помимо сигаретных окурков со следами помады Камелы, была целая гора таких бумажек. Некоторые обгоревшие. Баш покупал печенье с предсказаниями оптом, у поставщика ресторанов. Он мог съесть штук пятьдесят, пока смотрел фильм, и всегда читал предсказания, прежде чем их выкинуть. Он словно искал озарение или единственное предсказание, которое идеально подошло бы к его жизни.

Реакция Баша на выражение лица Джонатана была красноречивой: *«Ты – единственный человек, который находит странным маниакальное поедание печений с предсказаниями. Спорю, что многие их любят. Поэтому вот, угощайся».*

– По-моему, Камела относится к тем женщинам, которые запрограммированы на поиск мужа, – сказал Джонатан. – Они уверены, что кто-то захочет проводить с ними время, только если его заманить и обмануть. Мамочка говорила им: научись краситься, чтобы твоя добыча не увидела яму, скрытую под ветками.

Джонатан говорил жестокие вещи и знал это. По гардеробу Камелы он мог сказать, что она находится в том возрасте, когда стратегическое сокрытие становится более важным, чем диета. Платья с многослойными юбками, которые она носила на работу, скрывали ширину бедер. Скоро в ход пойдут шарфы с брошами, чтобы спрятать двойной подбо-

родок. Пальто прямого кроя отвлекали внимание от разросшейся пятой точки. Джонатан предпочел не делиться этим наблюдением, как и другими, более неприятными. Сам Баш был отнюдь не кожа да кости. Но он не мог не заметить, что она ни в чем себе не отказывала – ни в двойном десерте, ни в плане на семью.

Если этого же хотел Баш, то замечательно. Но его дискомфорт и сдержанность говорили об обратном.

– Она мне всю плешь проела о том, когда ты съедешь, – сказал Баш. – Найди себе жилье. – Он прикончил свою «Тихоню» и встал за двумя новыми бутылками, захватив печенючку, чтобы подкрепиться по дороге на кухню. Джонатану не удалось увидеть предсказание. Когда Баш вернулся, он потирал лоб, словно у него была похмельная головная боль.

– Жаль, в этом доме нет свободной квартиры, – сказал Джонатан. Они это уже обсуждали. – Было бы идеально. Я бы не вертелся у нее под ногами, мы вместе ездили бы на работу, но у каждого появилось бы больше личного пространства.

– Последнюю студию сдали два месяца назад. И управляющему ты можешь показаться слишком странным. Мы с Камми производим впечатление успешной пары. Но если бы я был один, сомневаюсь, что мне удалось бы здесь поселиться.

Джонатан и Баш сходили в несколько местных агентств по аренде жилья. У большинства из них были очень странные требования к квартиросъемщикам. Один сотрудник уверял

их, что решение о сдаче жилья зависит исключительно от наличия свободных квартир... и что стрижка Джонатана никак не может на него повлиять. У Джонатана отвисла челюсть от удивления. Баш подошел ближе, бросил на агента огромную тень и высказал осторожное мнение, что, возможно, его лысина и плохое зрение – результат того, что в молодости на ферме он перетрахал слишком много живности.

Можно вычеркивать еще одно агентство.

Третья неделя перетекла в четвертую. Очевидно, у Камелы за эти четыре недели были месячные. Но Джонатан не заметил никаких изменений в ее поведении. Она всегда такая враждебная?

– То есть мне нравится, что ты гостишь у нас, Джонатан, – сказал Баш. – Тусовки, обеды в ресторанах, фильмы в грайн-дхаусах – все это мне по душе, и Камми это известно.

Она начала называть его Джон, зная, что его бесит такое обращение.

– Может, она решила игнорировать то, что не входит в ее мастер-план.

– Ага. – Баш сломал еще одно печенье и выбросил предсказание в пепельницу.

Остерегайся слишком щедрых предложений.

– Она же местная, верно? Ты здесь с ней познакомился?

Баш кивнул:

– Она пришла устраиваться в «Рапид». Ее бросил жених, какой-то Роберт, не помню его фамилии. Вся ее мебель хра-

нилась на складе. Я искал угол в Рассет Ран, но в одиночку аренду было не потянуть. Мы с Мелани расстались, и я начал встречаться с официанткой из «Яблочного пирога», можешь себе представить?

— Оу, город малолеток. А ты — рискованный парень. — Джонатан решил попробовать печенье с предсказанием. О человеке судят по делам.

— В любом случае, Мелани уехала и тут подвернулась Камела. Мы пообедали. Мы переспали. И она говорит: если съедемся, это решит кучу проблем. Как партнеры. Может, это станет началом чего-то настоящего. Вроде отношений, когда ты живешь с кем-то, пока не встретишь кого-то лучше. Тогда ее шепелявость казалась мне милой. Да и сейчас мне так кажется. Не знаю... И в процессе у нее вдруг возник этот план — состариться вместе... До сего дня я его не опротестовал.

Баш выдохнул пивной воздух и попытался собрать его в больших ладонях, словно хотел придать форму, сделать свои проблемы видимыми, чтобы сокрушить их. Ему никогда не нравилось «что, если», вся эта мечтательная дребедень. Он уничтожил еще одно печенье.

Брак требует более серьезного обдумывания.

— Аминь, — прокомментировал он.

— Это та женщина, на которую ты смотришь и говоришь: «Я хотел бы прожить с тобой до конца своих дней»? — Джонатан вертел в руках снежный шар. Мертвые снова оказались

погребены под слоем снега.

– Нет. Сейчас точно нет.

– Ты решил подстраховаться. – Одним движением руки Джонатан эксгумировал всех мертвецов. Снег напоминал творожные хлопья.

– Угу.

– Тогда вы оба ждете последней капли. Хотите перетерпеть друг друга, потому что никто не желает взять на себя ответственность и прекратить отношения.

– Разве не все так делают?

Джонатан согласился:

– Мне начинает казаться, что нет ничего хорошего в том, чтобы наблюдать за тем, как отношения перезревают, гниют и наконец падают с дерева. Даже когда они превращаются в компост и возвращаются в землю, люди продолжают убеждать себя в том, что ничего не изменилось. Надежда умирает последней. Как и чувство вины. Но конец – это конец. Я сам в этом еще не так хорош, но учусь.

– В отношениях ты понимаешь меньше, чем я, – сказал Баш. Он осушил очередную бутылку пива.

– Мы сейчас говорим о тебе и твоей соседке, здоровяк.

У Баша появился огонек в глазах, сигнализирующий о том, что он готов к порции турбо-кофе.

– Не надо сбивать меня с толку. Я больше тебя, малявка. Вернее, недомалаявка.

– О да. Попробуй разубеди меня.

– Я не говорил, что выше тебя, маленький член.

– Угу. – Джонатан использовал бутылку в качестве микрофона и заговорил с азиатским акцентом. – Эй, мистел, вы пытаетесь завести машину без бензина. Вплочем, эта масина – «датцун».

– А вот и нет, чаквелла ²⁵! – Баш встал и начал издавать монструозные звуки, сопровождая их движением таза взад-вперед. – Смотри, как Пикапзилла сминает автобусы! – Он буквально рвал и метал.

Джонатан поднял бутылку ему в ответ:

– Ты хотел сказать, смотри на крушение «Гинденбурга» ²⁶, беляш?

Баш с гордостью продемонстрировал международное приветствие, между указательным и безымянным пальцем.

– Турбо-кофе на двоих?

– А то! – Джонатан поставил снежный шар на место и взял Магический. Перевернул его, не придумав вопрос.

Жри дерьмо, придурок.

Баш заправил кофемашину и достал набор мерных емкостей. Открыл бутылки с алкоголем и стал напевать какую-то мелодию.

Джонатан взял еще одно печенье. Всяко лучше, чем иг-

---

²⁵ Чаквелла – род ящериц из семейства игуановых.

²⁶ «Гинденбург» – немецкий дирижабль, построенный в 1936 году, самый большой в мире на тот момент. Крушение «Гинденбурга» произошло в 1937 году в США.

рать с Магическим шаром в игру, в которой все равно проиграешь.

Будьте готовы к неожиданным событиям.

– Видел тварь, которую завела Джессика? – спросил Баш из кухни. – Лысая кошка. Редкая порода. Во всем мире их около сотни. Кошка без меха. Похожа на демона, с большими ушами, морщинистой мордой и голодным взглядом. Просто дичь. Ну и уродина.

– Нет, не видел.

Джонатан кормил кошек, когда учился в пятом классе. Было слишком самонадеянно утверждать, что ты владеешь кошкой, так как они постоянно пропадали или умирали страшной смертью. И в обоих случаях не возвращались.

Он ненавидел кота Аманды. Она назвала его Дымком, в те времена, когда в этом слове не было ничего зазорного. Дымок был рыжим полосатым котом. Аманда разрешала ему спать у себя между ног. Множество раз Джонатан наблюдал, как Аманда во сне раздвигала ноги, чтобы кот мог улечься поудобнее, а он в свою очередь терся о нее, касался и согревал. Кроме того, Джонатан подозревал, что его урчание производило нежные вибрации, этакий ненавистный суррогат сексуального соития и деторождения. Захватчик наблюдал за Джонатаном через полуприкрытые щелки дьявольских глаз. Ему удалось попасть в то место, в которое Джонатану дорога все чаще была закрыта.

Мысли о кошках лишний раз напомнили ему о потерях.

Баш прав: он понимает в отношениях гораздо меньше.

– Мне всегда казалось, что у кошек и собак одинаковый уровень врожденного интеллекта, – сказал Джонатан. Ему было необходимо хоть что-то сказать, чтобы остановить поток воспоминаний. – Кошатники утверждают, что кошки умнее. Собачники – наоборот. Просто собак легче очеловечить. Они могут быть поводьями или вытаскивать детей, провалившихся под лед. А кошки... кошки смотрят на невидимых монстров.

Невидимые монстры. Так Аманда объясняла привычку Дымка в течение нескольких минут неотрывно смотреть в одну точку в углу.

– У меня кровь стынет в жилах оттого, как они играют со своей добычей. – Баш демонстрировал навыки вспенивания молока. Турбо-кофе скоро будет готов. – Они возятся со своей жертвой, мучают ее, а потом разрывают на части. Для них это просто веселая игра. Обыденный садизм. Это у них врожденное, записано на костях.

– Думаю, кошачий интеллект так пугает, потому что в нем есть что-то внеземное. – Джонатан не мог избавиться от мысли, что всякий раз, когда Дымок устраивался у Аманды между ног, совершалось нечто порочное. Ее интерес к хорошему сексу угас, но Дымок каждую ночь проводил на своем ложе. По крайней мере, Аманда признавала, что секс с Джонатаном был хорошим...

Кофемашина забулькала и зашипела. Этот звук ни на что

не похож. Кухня наполнилась разрушительным, астматическим шумом.

Если бы Джонатан пожаловался Аманде на Дымка, спровоцировал бы очередную ссору. А их и без того было чертовски много. Все аргументы заканчивались на непоколебимом взгляде Аманды на детей и жизнь в реальном мире и на то, чем занимаются нормальные люди. Затем следовал кошмар в виде невысказанных упреков и молчаливого несогласия.

Задай этот вопрос позже. Пошел ты, мудака.

Отношения были слишком испорчены, чтобы наладиться. Джонатан и Аманда совершенно не подходили друг другу. Они не могли прийти к одному мнению о простейших вещах. Он знал это. А еще знал, что очень скучает по ней. Ее отсутствие – словно разъедаемая кислотой дыра у него в желудке, которая никогда не затянется. Все напоминало о ней. В магазинах он видел вещи, которые могли бы ей понравиться. Ему было больно оттого, что он скучает по ней. Но еще больнее оттого, что она по нему не скучает. И даже если скучает, никогда не покажет. Это было бы проявлением слабости. Любой их разговор напоминал египетскую гробницу с множеством ловушек. Только то, что они слишком хорошо знали друг друга, позволяло в них не угодить. Он скучает по ней прямо сейчас. И будет скучать, когда свернется калачиком на диване.

Печенье. Пора завести новых друзей.

– Вот, – сказал Баш. – Заполни дыру в своей душе. – Чаш-

ка с турбо была размером с пивную кружку. Пульсирующий жар, накрытый белой шапкой молочной пены.

Джонатан сделал глоток и почувствовал, что мир вокруг меняется.

– Баш, мы с Амандой...

– Стоп-стоп-стоп. – Улыбка исчезла с лица Баша. – Я больше не хочу слышать про Аманду. Нет. С этой дурной привычкой надо кончать. Никакой Аманды. Ее не существует, ты понял?

Он не ожидал такого отпора, но Доктору Башу, наверное, виднее. Он умел читать мысли.

– Хорошо, а что насчет вашей с Камелой турнирной таблицы?

– Боюсь, моя дорогая сердечная и постельная подруга Камми превращается в жопаря, – сказал Баш с горечью. Он достаточно выпил, и грубость его не беспокоила. «Разрыв неминуем. Но это не произойдет завтра или на этой неделе. Нужно время. Он сделал глоток, и поверх его черных усов образовались белые. – Лично я думаю, ей все надоест, и она переедет из квартиры. Тогда ты сможешь въехать. Но сперва ты должен выехать отсюда, чтобы мы с ней спокойно закончили. Твое присутствие привело к своего рода разрядке: странным образом оно поставило на паузу разрушение наших с Камми отношений. Теперь она пытается доказать, что с ней мне будет веселее, чем с тобой. Таким образом, мой верный оруженосец, надо подыскать тебе место. Временное

пристанище. Чтобы я смог разрушить этот карточный домик самостоятельно и построить новый. Я знаю, что скоро мы с Камми ни к чему не придем. Это моя проблема. Я ее вижу. И решу так, как считаю нужным.

Джонатан знал, что нужно сделать. Он чувствовал, что время пришло. Слишком вежливый ультиматум от смущенного друга. Он должен помочь Башу в этом, а не накидывать дерьмо неверными ответами.

– Ну, если бы я нашел какое-нибудь дешевое жилье... Временное, конечно... То подошло бы что угодно, верно? Ты даже можешь сбегать туда, когда здесь станет слишком жарко. – Турбо был острым и горячим, и Джонатан не мог насытиться этим напитком.

Баш взглянул на него с облегчением.

– Когда все будет кончено, начнется Шоу Джонатана и Баша. Я тебе обещаю, Малыш Дино! – Луизианский акцент Баша начал проскальзывать в его речи. Так было всегда, когда он мешал алкоголь с кофеином.

– Помнишь место, которое мы смотрели на прошлой неделе? Оно максимально без изысков. Проще только палатка. Я скажу, что собираюсь там готовить, и они установят духовку, которую можно использовать в качестве обогревателя. Не похоже, что там все в порядке с паровым отоплением. Ты мог бы одолжить мне свой магнитофон. – Компромиссы в пользу Баша начали перевешивать, и Джонатан решил, что он вправе озвучить свои требования. – У этого здания есть

одно преимущество.

– Какое?

– От него до «Рапида» можно дойти пешком. Даже в самую ужасную погоду я смогу добраться до работы на своих двоих.

– В самую ужасную? – Баш усмехнулся. – Бро, ты не знаешь, что такое здешняя ужасная погода. Еще не знаешь.

Восемь

Она шла вниз на три этажа, и Круз подумал: «Господи Иисусе, кто-то может туда упасть и разбиться».

Фергус, мажордом в Кенилворт Армс и по совместительству – невероятный жирдяй, проинформировал Круза, что эта бездна на самом деле – вентиляционная шахта. Хотя было непонятно, что она вентилирует. Разве что в ней можно уловить запах соседского ночного горшка. Примерно в трех метрах еще имелось одно заколоченное окно ванной. Другие разбросаны сверху и внизу, со всех трех сторон, черные и запотевшие, как обычно происходит с окнами рядом с душем – их затуманивает смесь пара и мыльной пены.

Стены шахты были обиты ржавыми листами из гофрированной стали. Всякий раз, когда кто-то в этом здании умывался, Круз слышал тихий звук капающей воды. С высоты последнего этажа невозможно разглядеть дно шахты, но, судя по запаху, оно было покрыто застоялой водой, компостом и канализационными стоками. Надо быть силачом, чтобы открыть это проклятое вентиляционное окно хотя бы наполовину. И все усилия – ради вони жидкого удобрения.

За окном царила непроглядная тьма и удушающая теснота. Круз не мог ничего разглядеть ни вверху, ни внизу. Отверстие шахты на крыше было чем-то накрыто. Наверное, из-за снегопада.

– Вентиляция. Понятно. – Он захлопнул окно, и с петель осыпались хлопья краски.

Это была яма. Но в текущих обстоятельствах здесь его дом. Главный плюс: без Баухауса.

Быть частью мокрых снов холостяка, в интерпретации Баухауса, немногим приятнее клизмы с отбеливателем. Он был не просто продавцом кокаина, а стереотипным дилером. И упивался своей ролью. Полдня проводил в телефонных разговорах, а вторую половину хвастался и болтал. Он был похож на свинью – заторможенный, откормленный. Пары секунд ослиного смеха Баухауса хватило, чтобы Круз навсегда его возненавидел. Он был из той породы говнюков, которые приходят в восторг от собственных тупых шуток и сдавленным смешком пытаются намекнуть окружающим их подхалимам, что надо бы смеяться, а то будет хуже.

Баухаус постоянно смеялся этим смехом на публике, выкладывал по пятьсот баксов за ужин и тратил хорошее шампанское на свой очередной трофей, подобранный в зоне малолетних проституток-кокаинщиц.

Той первой ночью Круз под утро прокрался в святую святых Баухауса. Там лежал он, голый, храпел, как выброшенный на берег кит, и обнимал тринадцатилетнего ребенка, который оказался мальчиком и которого не представили.

Крузу наконец удалось успокоить кокаиновую метель в голове, и он вырубился на диване в гостиной. Через пару часов проснулся. Вернувшаяся в мир живых Чари усердно делала

ему минет. Стоило ей припудрить носик, и она превращалась в монстра из фильма. Настоящая Оралзилла. Круз даже не почувствовал, как она стянула его штаны. С трудом вырвался, хотя, справедливости ради, особо и не старался. Он решил привести себя в чувство. Щепотка назального эспresso вернула комнате все краски – словно ударяешь по телевизору рукой, и тот опять начинает работать. Чари продолжала сосать его член с демоническим рвением. За барной стойкой из оникса виднелись распростертые ноги. Кристал по-прежнему валялась на кухонном полу в отключке. Подошвы ее ног были грязными. Белые гранулы приклеились к верхней губе Чари. Похоже на неумелый детский макияж. Она была под кайфом и вряд ли уснет в ближайшие часы. Возможно, не спала всю ночь, обсасывая столовые приборы или танцуя вокруг стойки кровати, будто на пилоне, пока Баухаус трахал в задницу своего любимчика.

Все эти голые сиськи и пьяные ласки с папиком на самом деле были представлением для Круза. Какая радость! Все это дурно пахло тухлыми яйцами.

Круз сразу понял, что ему нужно собственное жилье. Место подальше от этого шоу уродов. И поближе к школе Оквуда, где можно запереться и не бояться всевидящих камер и сигнализаций Баухауса. Безучастное лицо Чари, глотающей сперму, вероятно, прямо сейчас снимает скрытая камера. Тоже белое, подумал Круз, может, это все, что ей нужно.

Он слишком часто трахал снежных королев. Ему бы по-

завидовали похотливые рок-звезды. Его это больше не заводило, только отвлекало. Кончать в Чари было все равно что кончать в манекен. Спазм и опорожнение. И слабая боль. Ее рот был сухим из-за частых минетов. Чтобы помочь ему забыть день, который начался с влажного падения Чикиты, потребуется что-то более мощное. С Круза хватит человеческой анатомии.

Особенно если речь идет о его внутренних органах в руках Эмилио.

На шее Эмилио, на толстой цепи, висела складная опасная бритва – талисман его бандитской молодости. Не так давно он увековечил ее в платине, и она была такой острой, что могла резать воздух. Круз слышал много историй о фокусах, которые Эмилио мог показывать с помощью своей бритвы, если его вывести из себя. Например, фокус с исчезновением языка. Или с исчезновением яиц. И они были настолько реальными, что с трудом верилось в подобные иллюзии.

Нет, спасибо.

Надо заставить Баухауса найти ему жилье. Любое.

Через два дня Круз был новым жильцом в Кенилворт Армс, неподалеку от школы Оквуда.

Первым шоком на новом месте стал Фергус, «менеджер». Если бы в этом мире существовала справедливость, его должность звучала бы как «мерзкий тип». Одежда Фергуса выглядела так, будто ее сняли с трупов алкашей. И он во- нял так, будто ежедневно пил по флакону одеколона. Воз-

можно, он хотел законсервировать свою плоть, рыхлую и покрытую пятнами, будто перезрелый фрукт. Его потрепанные кеды были скользкими и грязными, хотя когда-то имели белый цвет. Возможно. Круз подумал, что в них вылупились какие-нибудь твари, а Фергус натянул их на свои жирные мо-золистые ноги, когда оболочки и плацента были еще теплыми. Похожий на гнома с потухшим взором, он источал ароматы гнилых фиников и кислого пота, щедро приправленные лосьоном после бритья. С двух сторон каждого его зуба была коричневая щель. А кончики обкромсанных волос даже в такую морозную погоду покрывала мутная жидкость. Крузу предстояло узнать, что этот парень понимал английский только первого числа каждого месяца, когда приходило время вносить арендную плату. Он проинформировал Круза – на английском, – что арендная плата принимается только наличными или через денежные переводы. Это нововведение полностью на совести новых жильцов, оказавшихся неблагонадежными.

«Мы должны соответствовать стандартам, мистер Круз». Фергус не произнес это вслух, иначе Круз взорвался бы от смеха.

Комната с ванной, которая досталась Крузу, гордо именовалась «студией». Если покрытие на полу можно было называть ковром, то струп можно называть здоровой кожей. Ему достался холодильник, как он и просил. Тот занимал нишу, когда-то исполнявшую функции шкафа. Два больших окна

смотрели на Гаррисон-стрит с высоты третьего этажа. Когда работал паровой воздухонагреватель, окна обычно запотевали. Даже зимой здесь было жарко как в сауне. Дом построен задолго до изобретения теплоизоляции, поэтому теплый воздух с нижних этажей поднимался вверх и аккумулировался на последнем.

Ванная комната неожиданно оказалась отделана новой плиткой, и смесители работали, как надо. Туалет не булькал. Хотя бы этот аспект квартиры выглядел прилично, пусть и без изысков.

Круза представили всем заинтересованным лицам как нового курьера Баухауса. Оквудские парни представляли собой зоопарк из яппи с блондинистыми шевелюрами, крепкими рукопожатиями, улыбками будто с рекламного плаката и голубыми глазами истинных арийцев. Будущие врачи или юристы. На вагинах их подружек можно было нащупать застешку-молнию. Круз разбавлял семидесятипроцентный кокаин Баухауса десятью процентами аспирина. Оквудские дилдо все равно не понимали разницы, а дополнительный доход не помешает. Круз накопил приличный запас чистейшего кокса из центральной горки для собственного пользования.

Где-то через неделю ему стало невыносимо скучно. Он с головой окунулся в чикагскую жизнь. За пару дней без проблем оснастил себя как следует. В центре города раздобыл бумбокс и сорок кассет, ботинки, новую одежду, зимний гардероб, в том числе стильную армейскую куртку черного цве-

та с утепленной подкладкой на молнии. Он представлял себя Шварценеггером, когда наряжался. Каждое движение сопровождала пафосная музыка в голове.

И ничего примечательного не происходило.

Как-то раз Круз заправился розовой перуанской снежинкой и решил заняться уборкой в ванной комнате. Тогда он впервые услышал стон призрака, обитавшего в здании.

Полвторого ночи. Трехэтажный клоповник Фергуса полон разными звуками: музыка из колонок, хлопанье дверей; злые голоса, что-то кричавшие на испанском в коридорах. Круз услышал пронзительный вопль, означавший, что чернокожие молодожены из 314-й квартиры снова начали избивать друг друга, став ближе к суду или тюрьме. Престарелый белый долбоеб прошаркал по коридору, ворча о том, как евреи захватили великую страну. Впервые Круз встретил этого жильца у почтовых ящиков. Он всегда был одет одинаково: носки в ромбик, домашние тапочки, высоко подтянутые штаны, рубашка и галстук. Вокруг суровых мятно-голубых глаз синяки алкоголика были набиты словно татуировки. И над всем этим возвышалась копна седых волос, как у сумасшедшего ученого. Если почту приносили поздно, были виноваты евреи. С почтой приносили только счета – от евреев, жадных до его денег. Если в почте попадались рекламные буклеты – правильно, опять евреи, которые хотят наводнить страну рекламой и набить свои карманы. Почтальон, без сомнения, наемный убийца из Моссада. Все это было сказано

Крузу, когда он абсолютно искренне ответил «нет» на первый и единственный вопрос старика.

Был ли ты когда-нибудь?..

Крошечные кочегары, трудящиеся у топки в мозгу Круза, запросили немедленной добавки топлива. Он организовал срочную доставку для их миниатюрных лопаточек: одну дозу – для левого, вторую – для правого полушария. Для левого чуть больше, чтобы сбалансировать.

Круз отмерил дорожки на тыльной стороне ладони. Остатками порошка смазал десны. Чихнул и расслабился. 78 вдохов в минуту. Он прочистил каждую ноздрю водой из-под крана, и каждая плитка кафеля в ванной стала четкой и выпуклой.

Он знал наркоманов, которые страдали от галлюцинаций, сопровождающихся тем, что доктора называют «чистым сенсориумом». Какой бы фантом ни породило ваше сознание, он кажется абсолютно реальным, потому что то, что вы видите, – совершенно обычно. Если вы переборщили с ЛСД и комната наполнилась мармеладными драконами, изрыгающими чизбургеры и танцующими твист, вы понимаете, что это странно. Круз забыл настоящее имя Человека-паука, но его история – прекрасный пример данного феномена. Парень вбил себе в голову, что по нему ползают крошечные пауки. Вполне обычные крошечные пауки. Целая куча. И это выглядело вполне правдоподобно для его сознания под воздействием химии. Когда он понял, что не может смах-

нуть тварей (страдал от боязни насекомых), решил спалить их пропановой горелкой.

Человек-паук позже умер в отделении для бездомных. У него отказали легкие, сожженные постоянным курением. Этот трип длился семь дней.

Человек-паук стал историей. Круз умел учиться на чужих ошибках, поэтому сперва не обратил внимания на звуки, издаваемые кенилвортским призраком.

Бархатная пульсация в висках притупила головную боль, которую вызывал скрежет зубов. Он подумал, что надо попросить у Баухауса немного либриума. Эта мысль не задержалась в мозгу и упала в конвульсиях, потерянная навсегда. Кочегары весело трудились, пыхтя и закидывая в печь его головного мозга белый уголь. Мистер Сердце пустился в слем, и на микросекунду ванная комната озарилась ярким светом.

Через фоновый шум, наводнивший здание, слух Круза смог различить странный звук.

Стон?

Он становился громче, а потом затихал, подчиняясь собственному ритму. Цезура делала его едва различимым в какофонии хлопающих дверей и гремящей латиноамериканской музыки. Круз знал, что кокаин обостряет чувства. И замер, как охотничья собака, готовая к броску, прислушался. Стон дразнил периферию слуха. Всякий раз, когда он думал, что наконец услышал его, в слуховые каналы поступала новая информация. Ее подхватывали жадные нейроны. Синап-

сы выпускали заряд. Первый эквивалент, зафиксированный на тикер-ленте сознания, – звук улицы, больше похожий на стон боли, чем удовольствия. Глубокий, идущий прямо из нутра. Так оплакивает несварение желудка алкаш в темном переулке, выпив бутылку острого соуса на пустой желудок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.